

А.Л. Смышляев

НЯНЯ-КОРМИЛИЦА В СУДЕ РИМСКОГО НАМЕСТНИКА*

Как известно, в период Ранней империи наместники провинций имели довольно ограниченные возможности для реализации своих обширных полномочий. Это особенно заметно в судопроизводстве – основном виде их деятельности. Посещая с небольшой группой помощников центры округов (*conventus*) для проведения там коротких судебных сессий, они постоянно сталкивались с ситуацией, когда спрос на их услуги превышал предложение¹. Вечно перегруженным неотложной работой, им часто приходилось вершить правосудие в порядке ускоренного судопроизводства (*de plano*), в том числе и в отношении лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях². Но при этом наместники (так же как и еще более перегруженные императоры) тратили свое драгоценное время на решение мелких тривиальных проблем и разбор, казалось бы, совсем незначительных дел, нередко дублируя деятельность других органов власти и судов более низкого уровня³. Так, например, как отметил М. Эмбер, из 31 известного по данным папирологии судебного дела, которые префекты Египта разбирали самолично, только 20 были действительно важными, остальные же вряд ли заслужи-

* В подготовке этой статьи автору очень помогла стажировка в Париже по линии Дома наук о человеке и общение с французскими коллегами, которым он глубоко признателен. Автор также очень благодарен и своим российским коллегам (особенно Д.В. Дождеву), прочитавшим эту статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

¹ В трактате «Об обязанностях проконсула» Ульпиан рекомендует наместнику соблюдать определенный порядок разбора судебных ходатайств (*observare itaque eum oportet, ut sit ordo aliquis postulationum*), а не поддаваться давлению со стороны занимающих высокое положение просителей, поскольку из-за этого рядовые просители вообще не могут высказать свои пожелания (D. 1. 16. 9. 4). Из этого следует, что наместник зачастую был не в состоянии принять заявления всех, кто нуждался в его правосудии. Известно, что префект Египта в начале III в. н.э. (т.е. когда был написан трактат Ульпиана) за два дня судебной сессии в Арсиное получил 1804 петиции, а затем в течение двух месяцев отвечал на них (P. Jale 61. II. 2–6). По мнению современных исследователей, нагрузка, о которой идет речь в этом папирусе, не была для наместников чем-то необычным (Peachin M. *Judex vice Caesaris. Deputy Emperors and the Administration of Justice during the Principate*. Stuttgart, 1996. P. 82. Not. 328; Macmullen R. *Roman Government's Response to Crisis AD 235–337*. New Haven – London, 1976. P. 77; Burton G.P. *Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire* // JRS. 1975. 65. P. 102). О перегруженности наместников судебными разбирательствами см. также Horstkotte H. *Die Strafrechtspflege in den Provinzen der römischen Kaiserzeit zwischen hegemonialer Ordnungsmacht und lokaler Autonomie* // *Lokale Autonomie und römische Ordnungsmacht in den kaiserzeitlichen Provinzen vom 1. bis 3. Jahrhundert* / Hrsg. von V. Eck. München, 1999. S. 310.

² Так, например, *de plano* разбирались обычно дела воинов и заключенных (D. 2. 12. 9; 38. 15. 2. 2; 48. 1. 12. 1; 48. 18. 18. 10). См. об этом Burton G. *Government and Provinces* // *The Roman World* / Ed. J. Wachter. V. 1. L. – N.Y., 1987. P. 430 f.

³ См. Humbert M. *La juridiction du Préfet d'Egypte d'Auguste a Dioclétien* // *Burdeau F. et al. Aspects de l'Empire romain*. (Travaux et recherches de la Faculté de Droit et des Sciences économiques de Paris. Série «Sciences historiques»). № 1). P., 1964. P. 127 suiv., 140 suiv.; Смышляев А.Л. *Civilis dominatio: римский наместник в провинциальном городе* // ВДИ. 1997. № 3. С. 30, 34; Purcell N. *The Arts of Government* // *The Oxford History of the Classical World* / Ed. J. Boardman et al. Oxf. – N.Y., 1986. P. 577; Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337)*. L., 1977. P. 228, 240; Halfmann H. *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich*. Stuttgart, 1986. S. 154 f.; Peachin. *Op. cit.* P. 79 ff.

вали внимания правителя такого ранга⁴. Современному администратору подобный образ действий скорее всего покажется нелепым. Но именно то, что нам представляется абсурдным в деятельности людей другой эпохи, на самом деле могло быть частью достаточно эффективной системы, соответствующей условиям и ценностям своего времени⁵. Поэтому изучение того, что не укладывается в привычные для нас рамки, может оказаться особенно интересным и полезным.

В связи с этим возникает вопрос, какого рода незначительные на первый взгляд дела постоянно рассматривались в суде римского наместника и с чем это связано. Насколько мне известно, никто еще специально этим не занимался. Уникальную информацию по этому вопросу можно найти в знаменитом Ульпиановом фрагменте (D. 50. 13. 1), пользуясь им в течение уже многих десятилетий особым вниманием специалистов по римскому праву и истории древнего Рима⁶. В этом отрывке, посвященном судебным разбирательствам по поводу невыплаченной заработной платы, Ульпиан сообщает, что наместники провинций «имеют обыкновение» вершить в экстраординарном порядке правосудие в отношении представителей определенных профессий, в том числе – учителей начальной школы и нянь-кормилиц. Обе эти «специальности» не требовали какой-либо особой квалификации и могли обеспечить лишь очень скудный доход⁷. Появившись в Риме около III в. до н.э., они предназначались тогда почти исключительно для рабов и отпущенников, и еще в период принципата среди людей такого рода свободнорожденные римские граждане составляли, по всей видимости, меньшинство⁸. Таким образом, если верить Ульпиану (а не доверять ему в данном случае нет никаких оснований), наместники постоянно занимались грошовыми тяжбами представителей социальных низов⁹.

Для того чтобы понять, с чем это связано, необходимо разобраться в содержании и

⁴ *Humbert*. Op. cit. P. 127 suiv.

⁵ Не стоит забывать, что в правление императоров и наместников, осуществлявших свою судебную власть подобным образом, Римская держава достигла своего наивысшего расцвета и могущества.

⁶ После фундаментальной монографии А. Бернара, до сих пор не утратившей своего значения *Bernard A. La rémunération des professions libérales en droit romain classique*. P., 1936), Ульпианову фрагменту и вопросам, которые в нем затрагиваются, была посвящена обширная литература, пополняющаяся чуть ли не каждый год.

⁷ Учитель начальной школы с трудом мог заработать столько, сколько зарабатывал плотник (Ed. p. 7. 66, ср. 7. 3а; см. ниже прим. 60). Большинство учителей едва сводили концы с концами (*Marrou H.-J. Histoire de l'Éducation dans l'antiquité*. P., 1971. P. 392; *Bonner S.F. Education in Ancient Rome. From the Elder Cato to the Younger Pliny*. L., 1977. P. 147 ff.; *Harris W.V. Ancient Literacy*. L., 1989. P. 238). В римском Египте учителя начальной школы получали плату от родителей своих учеников продуктами, в том числе обедками с их стола (*Cribiore R. Writing, Teachers and Students in Graeco-Roman Egypt*. Atlanta, 1996. P. 16). То же относится и к няням-кормилицам, зарабатывавшим в полтора-два раза меньше батраков и вынужденным, согласно условиям заключенного договора, во время выкармливания ребенка (обычно на два года) полностью отказываться от сексуальной жизни. По мнению исследователей, только крайняя бедность могла заставить женщину согласиться на такую работу (*Bradley K.R. Sexual Regulations in Wet-Nursing Contracts from Roman Egypt* // *Klio*. 1980. 62. P. 321 f., 324. *Gourevitch D. Le mal d'être femme. La femme et la médecine dans la Rome antique*. P., 1984. P. 258. *Gardner J. Women in Roman Law and Society*. London–Sydney, 1986. P. 243 f.).

⁸ По свидетельству Орозия, во время разразившегося в Риме голода Август изгнал из города рабов, за исключением врачей и преподавателей (*Oros*. 7. 3. 6). Характеризуя темное прошлое (*obscura initia*) заседавшего в сенате бесстыдного и наглого выскочки, Тацит указывает, что тот был в молодости учителем начальной школы (Ann. 3. 66. 4). Флор называет профессию учителя «никчемнейшим занятием» (*rem indignissimam* – *Virg*. 3. 2). О низком социальном статусе учителей начальной школы см. *Bonner*. Op. cit. P. 35, 46; *Harris*. Op. cit. P. 236; *Visky K. Geistige Arbeit und die artes liberales in den Quellen des römischen Rechts*. Budapest, 1977. S. 32. Среди нянь-кормилиц также преобладали рабыни и отпущенницы (*Kampen N. Image and Status. Roman working Women in Ostia*. B., 1981. P. 109 f.; *Bradley K.R. Discovering the Roman Family. Studies in Roman Social History*. N.Y. – Oxf., 1991. P. 19 f., 25; *Gunther R. Frauenarbeit – Frauenbindung. Untersuchungen zu unfreien und freigelassenen Frauen in den stadtrömischen Inschriften*. München, 1987. S. 79).

⁹ Видимо, другие тяжбы, связанные с небольшой задолженностью, редко рассматривались в суде наместника. По крайней мере в IV в. н.э. императоры предписывают разбирать их в суде более низкой инстанции (CTh. I. 29. 2 = C. I. 55. 1).

смысле Ульпианова фрагмента. Он дошел до нас в составе титула Дигест Юстиниана, посвященного экстраординарным судебным расследованиям¹⁰, изначально же входил в VIII книгу трактата «О всех судах» (*De omnibus tribunalibus*), написанного в 10 книгах в правление Каракаллы¹¹. Скорее всего в это сочинение, относившееся к жанру трактатов-инструкций «*De officio...*», посвященных обязанностям должностных лиц, Ульпиан включил материал, не вошедший в другие его работы подобного рода¹². В Дигестах сохранилась небольшая часть всего трактата – примерно 40 фрагментов¹³. По мнению Ф. Шульца, дошедший до нас текст имеет очень мало общего с подлинным сочинением Ульпиана, поскольку перед тем как его включили в Дигесты, он подвергся очень значительной постклассической переработке¹⁴. Однако современные исследователи, не исключая наличия в этом тексте отдельных интерполяций, считают, что в целом он является подлинным, а Ульпианов фрагмент если и пострадал от интерполаторов, то не особенно сильно¹⁵.

Перевод обширного Ульпианова фрагмента приводится здесь с небольшими сокращениями:

Наместник провинции имеет обыкновение вершить правосудие по поводу платы за труд, но лишь в отношении преподавателей благородных наук. Благородными же мы считаем те науки, которые греки называют «свободными». (В число преподавателей этих наук) будут включены риторы, грамматики, геометры. 1. Положение врачей (в этом отношении) то же самое, что и профессоров, если только не лучшее: поскольку одни заботятся о здоровье людей, а другие – (всего лишь) об их ученых занятиях. Поэтому (наместник) в отношении врачей также должен вершить правосудие в экстраординарном порядке. 2. Но пусть (наместники) выслушивают и повивальную бабку, по крайней мере (такую), которая, как кажется, занимается медициной. 3. Возможно, кто-либо станет считать врачами также и тех, кто сулит излечение какой-нибудь части тела или от определенной болезни, как, например, отиатр, либо тот, кто лечит язву или зубы. Однако (в их число) не (входит) тот, кто привораживает, либо, – кто накладывает заклятье, либо – кто, если использовать обычные выражения шарлатанов, «изгоняет злых духов»¹⁶. Все эти (занятия) не являются разновидностями врачебной науки, несмотря на то что есть люди, утверждающие с похвалой, что те (заклинатели) им помогли. 4. А входят ли и философы в число профессоров? Пожалуй нет. И не потому, что их занятия не является высокопочитаемым, но поскольку прежде всего им надлежит возвещать, что они презирают любую деятельность, которая оплачивается. 5. Точно так же пусть (наместники) не вершат правосудие в отношении профессоров гражданского права. И хотя правоведение – священнейшее занятие, оно, однако, таково, что его не следует ни оценивать денежной платой, ни бесчестить, как в том случае, когда обращаются в суд с требованием почетного дара, который (ученик) должен предложить добровольно, приступая к учебе. Ведь хотя что-

¹⁰ Его полное название – *De variis et extraordinariis cognitionibus et si iudex litem suam fecisse dicetur* (D. 50. 13).

¹¹ D. 26. 10. 7. 2; 50. 13. 1. 10 et 12.

¹² *Jors. Domitius Ulpianus // RE. 1903. Hlbd 9. Sp. 1454 f.; Kruger P. Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts. 2. Aufl. München – Leipzig, 1912. S. 247; Wlassak M. Zum römischen Provinzialprozess. Wien, 1919. S. 69; Schiller A.A. The Jurists and Praefects of Rome // RIDA. 1949. 3. P. 338. Not. 83; Dell'Oro A. I libri nella giurisprudenza romana. Milano, 1960. P. 271 s.; Honoré T. Ulpian. Oxf., 1982. P. 157; Guarino A. Storia del diritto romano. 9 ed. Napoli, 1993. P. 483.*

¹³ См. *Lenel O. Palingenesia iuris civilis. V. 2. Lipsiae, 1889. Col. 992–1001 (fr. 2254–2295).*

¹⁴ *Schulz F. Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961. S. 329, 348. Anm. 4.*

¹⁵ *Dell'Oro. Op. cit. P. 271 s.; Guarino A. Gli «specialisti» e il diritto romano // Labeo. 1970. 16. P. 329; Honoré. Op. cit. P. 96 f., 103, 157, 175 ff.; Visky. Op. cit. S. 21 f.; Coppola G. Cultura e potere. Il lavoro intellettuale nel mondo romano. (Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza della Università di Messina. № 183). Milano, 1994. P. 212.*

¹⁶ Здесь явная интерполяция, поскольку слово *exorcizare* принадлежит постклассической латыни (см. *A Latin Dictionary / Ed. C.T. Lewis. Oxf., 1998. S. v. Exorcizo. P. 690*). Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить профессора Ф. Моро, обратившего мое внимание на это место.

то и можно бы принять, не теряя достоинства, все же (это) недостойно истребовать в судебном порядке. 6. Хотя учителя начальной школы и не являются профессорами, в соответствии с обычаем повелось, чтобы (наместники) вершили правосудие также и в отношении них, а еще – и переписчиков, и стенографистов, и счетоводов либо бухгалтеров. 7. Однако в отношении чернорабочих или мастеров других профессий, не связанных с буквами или стенографическими знаками, наместник ни в коем случае не должен будет вершить правосудие в экстраординарном порядке. 8. Но если также и спутники требуют в суде (свое) жалованье, то, как представляется, они обладают в этом отношении теми же правами, что и профессора. 9. Впрочем, также и против всех этих лиц наместник должен проводить судебное разбирательство, поскольку божественные братья¹⁷ постановили в своем рескрипте, чтобы это делалось, как и в тяжбах против адвокатов. 10. В отношении гонораров адвокатов судья должен распорядиться так, чтобы размер гонорара он установил в соответствии с характером дела, с красноречием адвоката, с обычаем той местности и того суда, в котором (адвокат) собирался вести дело, только бы сумма (назначенная судьей) не превышала дозволенный гонорар, ибо это указано в рескрипте нашего императора и его отца¹⁸. Вот дословное содержание рескрипта: «Если Юлий Матерн, которого ты хотел иметь адвокатом в своем деле, был готов выполнить принятую на себя обязанность, то тебе следует истребовать в суде обратно только ту сумму, которая превышает установленный законом предел»... 13. Божественный Север после смерти адвоката запретил истребовать обратно вознаграждение у его наследников, поскольку тот не вел дело по независимой от него причине. 14. Обязанности наместника или претора распространяются также и на дела о плате кормилицам, ведь няни-кормилицы обращаются в суд наместника с требованиями о том, что им причитается за выкармливание младенцев. Однако мы считаем, что можно говорить о плате кормилицам лишь до тех пор, пока младенцев выкармливают грудью, а после этого вмешательство претора или наместника не имеет места. 15. И если всего этого добиваются у наместников, то следует рассмотреть, могут ли наместники разбирать в своем суде встречные исковые требования. И я полагал бы, что это надо разрешить¹⁹.

¹⁷ Имеются в виду Марк Аврелий и Луций Вер.

¹⁸ Имеются в виду Каракалла и Септимий Север.

¹⁹ *Præses provinciae de mercedibus ius dicere solet, sed praeceptoribus tantum studiorum liberalium, liberalia autem studia accipimus, quae Graeci ελευθερία appellant: rhetores continebuntur, grammatici, geometrae. 1. Medicorum quoque eadem causa est quae professorum, nisi quod iustior, cum hi salutis hominum, illi studiorum curam agant: et ideo his quoque extra ordinem ius dici debet. 2. Sed et obstetricem audiant, quae utique medicinam exhibere videtur. 3. Medicos fortassis quis accipiet etiam eos, qui alicuius partis corporis vel certi doloris sanitatem pollicentur: ut puta si auricularius, si fistulae vel dentium. Non tamen si incantavit, si inprecatus est, si, ut vulgari verbo impostorum utar, si exorcizavit: non sunt ista medicinae genera, tametsi sint, qui hos sibi profuisse cum praedicatione adfirmant. 4. An et philosophi professorum numero sint? Et non putem, non quia non religiosa res est, sed quia hoc primum profiteri eos oportet mercennariam operam spernere. 5. Proinde ne iuris quidem civilis professoribus ius dicent: est quidem res sanctissima civilis sapientia, sed quae pretio nummario non sit aestimanda nec deonestanda, dum in iudicio honor petitur, qui in ingressu sacramenti offerri debuit. Quaedam enim tametsi honeste accipiuntur, inhoneste tamen petuntur. 6. Ludi quoque litterarii magistris licet non sint professores, tamen usurpatum est, ut his quoque ius dicatur: iam et librariis et notariis et calculatoribus sive tabulariis. 7. Sed ceterarum artium opificibus sive artificibus, quae sunt extra litteras vel notas positae, nequaquam extra ordinem ius dicere praeses debebit. 8. Sed et si comites salarium petant, idem iuris est, quod in professoribus placet. 9. Sed et adversus ipsos omnes cognoscere praeses debet, quia ut adversus advocatos adeantur, divi fratres rescripserunt. 10. In honorariis advocatorum ita versari iudex debet, ut pro modo litis proque advocati facundia et fori consuetudine et iudicii, in quo erat acturus, aestimationem adhibeat, dummodo licitum honorarium quantitas non egrediatur: ita enim rescripto imperatoris nostri et patris eius continetur. Verba rescripti ita se habent: «Si Iulius Maternus, quem patronum causae tuae esse voluisti, fidem susceptam exhibere paratus est, eam dumtaxat pecuniam, quae modum legitimum egressa est, repetere debes»... 13. Divus Severus ab hereditibus advocati mortuo eo prohibuit mercedem repeti, quia per ipsum non steterat, quo minus causam ageret. 14. Ad nutricia quoque officium praesidis vel praetoris devenit: namque nutrices ob alimoniam infantium apud praesides quod sibi debetur petunt. Sed nutricia eo usque producemus, quoad infantes uberibus aluntur: ceterum post haec cessant partes praetoris vel praesidis. 15. Haec omnia si apud praesides petantur, videamus an de mutuis petitionibus possunt praesides cognoscere. Et putem debere admitti.*

Как справедливо отметил В. Маротта, профессии, о которых идет речь в этом фрагменте, составляют иерархию, соответствующую социальному делению и системе ценностей древнего Рима²⁰. К ее высшему разряду, по мнению исследователя, относятся философы, юристы, а также преподаватели «благородных наук» и врачи, к среднему – учителя начальной школы и канцеляристы, а к низшему – работники прочих специальностей, в которых физический труд преобладал над интеллектуальным²¹. Однако такое деление кое в чем противоречит критериям самого Ульпиана. К низшему разряду безусловно принадлежат представители профессий, «не связанных с буквами или стенографическими знаками», чьи исковые требования разбирались в порядке обычного судопроизводства (D. 50. 13. 1. 7). К высшему – относятся философы и юристы, не имевшие права истребовать в судебном порядке вознаграждение от своих учеников (D. 50. 13. 1. 4–5). Наконец, в средний – входят все остальные «специалисты», которые могли добиваться причитающейся им платы в порядке экстраординарного судопроизводства.

Понять, на какой основе были выделены в особые группы профессии высшего и низшего разрядов, не представляет большого труда. «Чернорабочие» (orifices) и мастера-«искусники» (artifices)²² – это люди, связанные с «подлыми» или «презренными ремеслами» (artes sordidae). Указывая, что их исковые требования наместник *ни в коем случае* (курсив мой. – А.С.) не должен разбирать в порядке экстраординарного судопроизводства, Ульпиан явно противопоставлял им представителей «благородных наук» и приравненных к ним в отношении правовой защиты специальностей²³. Философы же и юристы, если руководствоваться логикой Ульпианова фрагмента, вообще не имеют профессий, а лишь высокопочитаемые занятия, присущие людям благородного происхождения и образа мыслей. Поэтому их деятельность не может быть оценена и обещена денежной платой, а следовательно, не нуждается в правовой защите²⁴.

²⁰ Marotta V. Multa de iure sanxit. Aspetti della politica del diritto di Antonino Pio. (Università di Firenze. Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza. № 64). Milano, 1988. P. 145 s.

²¹ Marotta. Op. cit. P. 146.

²² К ним относились не только квалифицированные ремесленники, но также и артисты, музыканты, художники. Поэтому словосочетание orifices et artifices означает в целом всех работников физического и умственного труда (De Robertis F. I rapporti di lavoro nel diritto romano. Milano, 1946. P. 11. Not. 6, 7; p. 12. Not. 2).

²³ В отрывке (D. 50. 13. 1. 7), представляющем собой, по всей видимости, прямое продолжение Ульпианова фрагмента (Lenel. Op. cit. Col. 999–1000, fr. 2289–2290), говорится: «Наместники имеют обыкновение проводить судебное следствие по поводу маклерского вознаграждения, хотя оно и является подлым (sordidum)...» (перевод дан с учетом конъектуры Т. Моммзена). Если это место сопоставить с указанием Ульпиана, что философы и юристы не должны наравне с профессорами обращаться в суд наместника, хотя их занятия являются высокопочитаемыми и священными (D. 50. 13. 1. 4–5), то можно сделать вывод об отождествлении профессий, пользующихся правовой защитой в порядке экстраординарного судопроизводства, с «благородными», а находящихся под правовой защитой в порядке обычного судопроизводства – с «подлыми». Следует также обратить внимание на терминологию Ульпиана, у которого профессорам и всем прочим, имеющим доступ в суд наместника, противопоставляются чернорабочие (orifices) и все прочие (artifices), не имеющие такового. Чернорабочие же, как хорошо было известно каждому почтенному римлянину, – это всегда люди «подлых профессий» (Orifices omnes in sordida arte versantur – Cic. Off. 1. 42. 150). Таким образом, Ульпиан характеризует одну группу профессий по вершкам, а другую – по корешкам. Весьма показательно и само определение профессий низшего разряда: «artes quae sunt extra litteras vel notas positae» (D. 50. 13. 1. 7). «Не быть связанным с буквами или стенографическими знаками» (возможен и другой вариант перевода: «...с благородным образованием или письмом») – означало для римлян не иметь отношения к образованности и приличному обществу (ср. Michel J. Gratuité en droit romain. Bruxelles, 1962. P. 204). В римском искусстве эпохи Империи папирусный свиток, покрытый письменами, символизировал одновременно высокую культуру и высокий социальный статус (Veyne P. The Roman Empire // A History of Private Life. V. 1 / Ed. P. Veyne. From Pagan Rome to Byzantium. Camb. Mass. – L., 1992. P. 7 f., 19).

²⁴ Это аристократическое представление о философах и юристах соответствовало как господствующим взглядам эпохи Ранней империи, так в немалой мере и ее историческим реалиям (Bernard. Op. cit. P. 45 suiv.; Michel. Op. cit. P. 199, 210 suiv.; Christes J. Bildung und Gesellschaft. Die Einschätzung der Bildung und ihrer Vermittler in der griechisch-romischen Antike. Darmstadt, 1975. S. 242 ff.; Visky. Op. cit. S. 27 ff.; Marotta. Op. cit.

Тяжелее всего разобраться в том, как сложился и что представлял собой средний разряд, включавший преподавателей «благородных наук», врачей, повивальных бабок, учителей начальной школы, «канцеляристов», загадочных спутников (*comites*), адвокатов и нянь-кормилиц. Как отметил Дж. Крук, данный перечень ставит исследователей в тупик, поскольку он опускается по социальной шкале столь низко, что никак не удается найти единый комплекс правил, охватывающий все эти случаи²⁵. И действительно, что могло быть общего у профессоров и адвокатов с неграмотными и полуграмотными повивальными бабками и нянями-кормилицами? Предметом оживленной полемики уже нескольких поколений романистов является другой вопрос, тесно связанный с этим: какого рода правоотношения были у «специалистов» из загадочного перечня с их работодателями.

Анализируя скудные отрывочные и нередко противоречивые свидетельства источников, большинство романистов пришли к следующим выводам. Почтенные свободнорожденные профессора «благородных наук», врачи, адвокаты, а также приравненные к ним другие «специалисты» не рассматривались в Риме в качестве наемных работников, поскольку в общественном сознании наемник мало чем отличался от раба²⁶. Поэтому доходы таких специалистов, связанные с профессиональной деятельностью, считались не заработком (*merces*), а вознаграждением, предоставлявшимся в качестве почетного дара (*honorarium* или *honor*) в знак признательности за якобы безвозмездные «дружеские» услуги. Видимо, в отношении размера гонорара нередко заключалось предварительное соглашение, но поскольку оно не являлось формальным договором, невыплаченный (или выплаченный неполностью) гонорар не мог истребоваться в порядке обычного судопроизводства. По мере того как все больше людей из приличного общества выбирало профессию преподавателя или врача, такое положение становилось все более нетерпимым. Правовую защиту своих притязаний эти почтенные «специалисты» получили благодаря распространению экстраординарного судопроизводства на тяжбы, связанные с гонорарами. Таким образом, им были обеспечены и плата за их профессиональные услуги, и статус «благородного человека», действующего безвозмездно и бескорыстно²⁷.

Против этой концепции выступила в своей фундаментальной монографии Дж. Коппола. Тщательно исследовав представления римских авторов (как юристов, так и неюристов) о наемной плате (*merces*) и гонораре, она пришла к выводу, что последний рассматривался как спонтанное выражение признательности за оказанные благодеяния. Он не мог быть предметом предварительной договоренности, и его нельзя было истребовать в судебном порядке, даже *extra ordinem*. Поэтому термин *merces* в Ульпиановом фрагменте следует понимать в его буквальном смысле как плату за труд, а не в переносном — как вознаграждение за оказанную услугу. Из перечисленных Ульпианом «специалистов» только философы и профессора-юристы получали гонорары, а остальные же принадлежали к особой привилегированной группе наемных работников, которые первоначально обращались со своими претензиями в обычный суд, но со II в. н.э. были обеспечены правовой защитой в порядке экстраординарного

Р. 132 с.; Hahn J. Der Philosoph und die Gesellschaft. Selbstverständnis, öffentliches Auftreten und populäre Erwartungen in der hohen Kaiserzeit. Stuttgart, 1989. S. 73, 105).

²⁵ Crook J.A. Law and Life of Rome. 1967. P. 204 f.; cp. Macqueron J. Le travail des hommes libres dans l'antiquité romaine. 2 ed. Aix en Provence, 1958. P. 173 suiv.

²⁶ При этом низшие представители этих профессий — рабы, отпущенники, а вероятно, и рядовые свободнорожденные граждане — могли работать по договору найма (*locatio-conductio*).

²⁷ Эта концепция наиболее полно и обстоятельно была разработана А. Бернаром (Op. cit., pass.). См. также Klingmüller F. Honorarium // RE. 1913. Bd VIII. Sp. 2270 ff.; Below K.H. Der Arzt im römischen Recht (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. Ht 37). München, 1953. S. 57 ff.; Michel. Op. cit. P. 198 suiv.; Watson A. The Law of Obligations in the Later Roman Republic. Oxf., 1965. P. 109 f.; Visky K. Esclavage et artes liberales à Rome // RIDA. 1968. 15. P. 475 suiv.; Buti J. La «cognitio extra ordinem»: da Augusto a Diocleziano // ANRW. II. 14. B. — N.Y., 1982. P. 32 ss.; Pugliese G. Istituzioni di diritto romano. Padova, 1986. P. 381.

судопроизводства, в большей мере отвечавшей их интересам. Распространение процесса *extra ordinem* на дела о заработной плате «специалистов» было связано с политикой наделяния привилегиями представителей тех профессий, которые пользовались особой поддержкой императорской власти. С помощью этой политики императоры стремились поставить под свой монопольный контроль и использовать в собственных интересах культуру и охрану общественного здоровья²⁸.

На мой взгляд, эта в целом хорошо аргументированная концепция позволяет понять смысл имеющихся в нашем распоряжении свидетельств (в том числе и Ульпианова фрагмента) гораздо лучше, чем традиционная общепринятая²⁹.

Но если взять за основу точку зрения Дж. Коппола, то следует уточнить: какие именно преимущества предоставляла «специалистам» правовая защита посредством *cognitio extra ordinem*. По мнению романистов, такое судебное разбирательство было более привлекательным для истца, особенно если своим богатством и влиянием он уступал ответчику. Ведь судьей в таком процессе, как правило, являлся государственный служащий из свиты наместника, а не кто-либо из местной знати, кроме того, истцу не нужно было самому заботиться о явке ответчика в суд и исполнении им судебного решения³⁰. Однако в провинциях в эпоху Ранней империи, как отмечают те же романисты, различия между обычным и экстраординарным судопроизводством в значительной мере сгладились: и в том и в другом случае наместник, как правило, назначал судьей кого-либо из своих помощников, для вызова в суд ответчика использовал своих подчиненных и при желании мог предоставить в распоряжение истца воинов для немедленного исполнения судебного решения³¹. Главное различие здесь очевидно, заключалось в том, что в экстраординарном процессе наместник имел возможность вообще не назначать судью, а лично разобрать дело (*cognoscere*) и вынести судебное решение (D. 1. 18. 9).

Об этом свидетельствует заключительная часть Ульпианова фрагмента (D. 50. 13. 1. 14): «...о плате кормилицам можно говорить лишь до тех пор, пока младенцев выкармливают грудью, а после этого вмешательство претора или наместника не имеет места» (*cessant partes praetoris vel praesidis*). Здесь подразумевается, что так называемые сухие няни не могут претендовать на особую правовую защиту и поэтому их исковые требования должны разбираться в порядке обычного судопроизводства. Однако обращает на себя внимание формулировка, использованная Ульпианом. Слово сочетание *partes praetoris (praesidis, iudicis)* часто встречается в Дигестах. Оно обозначает роль, должностные обязанности или функции того или иного деятеля³². Выражение *cessant partes praetoris vel praesidis* означает, что претор или наместник не имеют непосредственного отношения к решению тех вопросов, о которых идет речь в данном случае. Обычно оно переводится так: «вмешательство претора или наместника здесь не имеет места» (или: «прекращается»)³³. Но какое именно вмешательство? Для того, чтобы это выяснить, необходимо рассмотреть, в каких ситуациях используется

²⁸ Coppola. Op. cit. P. 14 s., 211 ss., 243 ss., 251 ss., 285 ss., 563 s.

²⁹ Трудно согласиться лишь с общим выводом Дж. Коппола. Вряд ли с теми ограниченными ресурсами, которые были в ее распоряжении, императорская власть могла стремиться к монопольному контролю над культурой и здравоохранением. Видимо, правильнее было бы говорить о поддержке и покровительстве, но не о монополии (ср. Marron. Op. cit. P. 437 suiv.; Kaster R.A. *Guardians of Language. The Grammarian and Society in Late Antiquity.* Berkeley – Los Angeles – London, 1988. P. 229).

³⁰ Kaser M. *Das römische Zivilprozessrecht.* München, 1966. S. 346, 363, 371 ff., 405 ff.; Garnsey P. *Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire.* Oxf., 1970. P. 5, 92, 204 f., 218; Coppola. Op. cit. P. 258 s., 285; Robinson O.F. *The Sources of Roman Law. Problems and Methods for Ancient Historians.* L. – N.Y., 1997. P. 90 ff.

³¹ Kaser M. Op. cit. S. 344 f., 362, 370; Garnsey. Op. cit. P. 204.

³² Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. 2 изд. М., 1997. S. v. Pars, 3. C. 394; ср. Oxford Latin Dictionary / Ed. P.G.W. Glare. Oxf., 1988. S. v. Pars, 9–10. P. 1300 f.

³³ Так, например, обычно переводят это словосочетание в Ульпиановом фрагменте: «...de toute façon, dans la suite, l'intervention du prêteur ou du gouverneur cesse» (Michel. Op. cit. P. 208 suiv. Not. 38); «...y después cesa ya la intervención del pretor o del gobernador» (El Digesto de Justiniano. T. III / Ed. A. D'Ors et al. Pamplona, 1975. P. 840).

римскими юристами словосочетание *cessant partes praetoris (vel praesidis)*. В этом отношении особый интерес представляют рассуждения Ульпиана о восстановлении в первоначальное положение (*in integrum restitutio*). «При расследовании (претором) дела, — пишет он, — будет обращено внимание на следующее: может ли (несовершеннолетнему) принадлежать другой иск, кроме восстановления в первоначальное положение? Ведь если он защищен общими средствами помощи и обыкновением правом, то ему не должна быть предоставлена чрезвычайная помощь... 1. То же указывается и у Лабейона: если несовершеннолетний вступил в товарищество вследствие обмана или даже (безвозмездно) на основании дарения, то товарищество ничтожно даже и между совершеннолетними, и, таким образом, вмешательство претора не имеет места... 3. И в целом следует одобрить (то мнение), что там, где договор недействителен, претор безусловно не должен вмешиваться» (D. 4. 4. 16)³⁴. Здесь «вмешательство претора» считается возможным лишь в чрезвычайной ситуации, когда претор должен самолично провести расследование и издать декрет о «восстановлении в первоначальное положение». В том же случае, когда он предоставляет иск из обмана (*actio doli*) и назначает судью, по мнению Ульпиана, «вмешательство претора не имеет места». В другом фрагменте того же самого «Комментария к эдикту» Ульпиан отмечает, что если кредиторы не пришли к соглашению относительно того, какая доля имущества должна причитаться каждому из них, «тогда необходимо вмешательство претора (*tunc praetoris partes necessariae sunt*), который своим декретом следует воле большинства» (D. 2. 14. 7. 19). Здесь снова «вмешательство» претора означает, что он выносит решение самолично, не назначая судью. Также и во всех остальных случаях выражение «*partes praetoris*» употребляется в таких ситуациях, когда претор должен сам вынести решение, а не поручает это назначенному им судье (D. 4. 4. 11. 2; 28. 5. 23. 1; 40. 4. 20).

То же самое характерно и для выражения «*partes praesidis*». Говоря о жестоком обращении господ со своими рабами, Ульпиан отмечает: «каковы при этом обязанности наместника (*quae sunt partes praesidis*) следует из рескрипта божественного Пия... проконсулу Бетики» (D. 1. 6. 2). В рескрипте же указано, что проконсул должен произвести судебное расследование (*cognoscere*) и, если жалобы рабов подтвердятся, принудить господина продать их в другие руки. В своем сочинении, посвященном экстраординарному процессу, Калпистрат пишет: «В целом, всякий раз, когда принцепс отсылает дела наместникам провинций, пользуясь рескриптами, подобными такому: "ты можешь обратиться к тому, кто возглавляет провинцию", либо с таким добавлением: "он определит, что требуется от него самого", это не налагает на проконсула или легата обязанность проводить (самолично) судебное расследование, хотя бы даже и не было добавлено: "он определит, что требуется от него самого". Но он должен определить, самому ли ему вершить суд или назначить судью» (D. 1. 18. 9)³⁵. Слова «он определит, что требуется от него самого» (*quid sit partium suarum*), очевидно, означают: «он выберет те дела, которые будет разбирать (*cognoscere*) самолично».

Таким образом, «вмешательство» претора или наместника означает их активное личное участие в судебном разбирательстве, принятие ими на себя обязанностей судьи. И если отсутствие такого «вмешательства» Ульпиан отождествляет с разбором дел в порядке обычного судопроизводства, то можно сделать вывод, что тяжбы «специалистов», пользовавшихся особой правовой защитой, наместники, как правило, разбирали

³⁴ *In causae cognitione etiam hoc versabitur, num forte alia actio possit competere citra in integrum restitutionem. Nam si communi auxilio et mero iure munitus sit, non debet ei tribui extraordinarium auxilium... 1. Item relatum est apud Labeonem, si minor circumscriptus societatem coierit vel etiam donationis causa, nullum esse societatem nec inter maiores quidem et ideo cessare partes praetoris... 3. Et generaliter probandum est, ubi contractus non valet, pro certo praetorem se non debere interponere.*

³⁵ *Generaliter quotiens princeps ad praesides provinciarum remittit negotia per rescriptiones, veluti «eum qui provinciae praest adire poteris» vel cum hac adiectione «is aestimabit, quid sit partium suarum», non imponitur necessitas proconsuli vel legato suscipiendae cognitionis, quamvis non sit adiectum «is aestimabit quid sit partium suarum»: sed is aestimare debet, utrum ipse cognoscat an iudicem dare debeat.*

самолично. С учетом этого обстоятельства становится понятнее содержание последнего параграфа Ульпианова фрагмента (D. 50. 13. 1. 5): «И если всего этого добиваются у наместников, то следует рассмотреть, могут ли наместники разбирать в своем суде (*cognoscere*) встречные исковые требования. И я полагаю бы, что это надо разрешить». На первый взгляд кажется, что здесь Ульпиан возвращается к уже решенному вопросу о распространении *cognitio extra ordinem* на правовые претензии работодателей к специалистам (D. 50. 13. 1. 9)³⁶. Однако упоминание им встречных исковых требований (*petitiones mutuae*), т.е. требований ответчика к истцу, рассматривавшихся в рамках одного судебного разбирательства³⁷, позволяет сделать вывод, что речь идет не о том, должны ли правовые претензии работодателей рассматриваться *extra ordinem*, а о том, должны ли наместники разбирать их самолично, если они выдвинуты в ответ на претензии «специалистов»³⁸.

Таким образом, распространение экстраординарного процесса на тяжбы между «специалистами» и работодателями по поводу заработной платы означало прежде всего, что судьей в этих спорах становился сам наместник. А поскольку он всегда находился на виду, вершил суд зачастую публично, при большом стечении зрителей и был вынужден считаться с общественным мнением³⁹, то в этом случае у истца были неплохие шансы выиграть дело и против значительно более богатого и влиятельного ответчика. Поэтому наделение «специалистов» особой правовой защитой означало, что они получили весьма существенную привилегию, а перегруженные делами наместники – дополнительное бремя. По мнению Г. Зиберера, эта привилегия не имела исключительного характера: те, кто ею обладал, могли при желании добиваться выполнения своих требований также и в порядке обычного судопроизводства⁴⁰. Однако большинство современных романистов с этим не согласны. Как отметил Г. Клами, если принять концепцию Зиберера, то не ясно, в чем смысл отказа в особой правовой защите философам и профессорам права⁴¹.

Для того чтобы выяснить, что общего было у «специалистов», пользовавшихся этой привилегией, необходимо уточнить их состав, то место, которое они занимают в перечне Ульпиана, и причины их включения в этот список.

Не вызывает никакого сомнения, что наделение особой правовой защитой профессоров «благородных наук» и врачей было связано с проводившейся императорской властью политикой дарования им всевозможных льгот, привилегий и окладов. Особенно наглядно эта связь видна в эдикте Константина⁴², адресованном «народу» и представлявшем собой своеобразный манифест такой политики: «Мы повелеваем, чтобы врачи и особенно архиатры либо бывшие архиатры⁴³, грамматки и другие профессора словесных наук вместе со своими женами и детьми, а также еще и с имуществом, которым они владеют в своих городских общинах, были свободны от всякой общественной должности и от всех городских или государственных повинностей, и

³⁶ К. Белов предположил даже, что § 15 является интерполяцией, поскольку в нем повторяется то, что было сказано в § 9 (Op. cit. S. 119 f.).

³⁷ Дождев Д.В. Римское частное право. 2-ое изд. М., 1999. С. 243.

³⁸ Правда, и в первом случае, судя по терминологии Ульпиана (*cognoscere praeses debet*), можно предположить, что подобные дела наместник также должен был разбирать самолично, однако далее говорится о том, как должен вести себя судья (*iudex*), разбирая тяжбы клиентов с адвокатами по поводу гонораров (D. 50. 13. 1. 10). Видимо, имелся в виду *iudex datus*, назначенный наместником (Kaser. Op. cit. S. 362. Anm. 7).

³⁹ Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Lpz. 1899. S. 358 ff.; Nippel W. Public Order in ancient Rome. Cambr., 1995. P. 107 ff., 112; Смыслов А.В. Ук. соч. С. 27 слл.

⁴⁰ Siber H. Operae liberales // Iherings Jahrbücher für die Dogmatik des bürgerlichen Rechts. 1939–1940. S. 169 ff. К сожалению, эта работа оказалась для меня недоступной.

⁴¹ Klami H.T. Mandatum and Labour in Roman Law // ZSS. 1989. 119. P. 580. Убедительные аргументы против гипотезы Зиберера приводит и Дж. Колпола (Op. cit. P. 255).

⁴² В обоих кодексах этот эдикт дошел в составе отдельных титулов, посвященных привилегиям профессоров и врачей (С. X. 53 (52); СTh. XIII. 3).

⁴³ Архиатрами (букв. главными врачами) называли городских и государственных врачей, числившихся на службе и получавших регулярный оклад.

чтобы в провинциях они не принимали никого на постой и не выполняли какую-либо (другую) повинность и чтобы им не вчиняли иск и не доставляли их в суд, и чтобы они не терпели обид, и, если кто-либо станет им досаждать, пусть его накажут денежным штрафом по усмотрению судьи. 1. Мы приказываем также, чтобы им выплачивали их заработки и оклады, дабы тем легче они обучали бы многих благородным наукам и прославленным искусствам» (С. X. 53(52). 6 = СTh. XIII. 3. 3; ср. СTh. XIII. 3. 1)⁴⁴.

В этом постановлении Константин не только подтверждает привилегии, предоставленные профессорам и врачам многими римскими императорами начиная с Веспасиана⁴⁵, но и расширяет сферу их действия, распространяя их на жен и детей «специалистов». Обращает на себя внимание тот факт, что после перечисления льгот, связанных с освобождением от налогов и повинностей, говорится о привилегиях судебных: профессорам и врачам гарантируют защиту против обид, заключающихся в судебных кознях (*calumpnia*)⁴⁶, и в случае конфликта по поводу невыплаченной им платы за труд⁴⁷. Своей целью Константин объявляет поддержку преподавания «словесных наук» и медицины.

Императорская поддержка была связана с тем, что профессора и врачи считались «полезными» (*χρήσιμοι*) для своего отечества (D. 27. 1. 6. 11), а их занятия характеризовались как *artes necessariae* (СTh. XIII. 3. 18 = С. XII. 40. 8)⁴⁸. Судя по свидетельствам эпохи Поздней империи, представители этих специальностей считали свою профессиональную деятельность общественной повинностью⁴⁹. Ульпиан также обосновывает особую правовую защиту профессоров и врачей той пользой, которую они приносят людям (D. 50. 13. 11). В этом отношении он отдает предпочтение врачам, однако профессора занимают в его фрагменте гораздо более важное положение. Получение рядом «специалистов» судебной привилегии зависит прежде всего от того, входят или не входят они в число профессоров⁵⁰. Судя по особенностям словупотребления Ульпиана, можно сделать вывод, что особой правовой защиты профессора удостоились раньше, чем врачи⁵¹. Столь высокий статус «специалистов», связанных с «благородными науками», объясняется той ролью, которую играло риторическое образование⁵² в формировании и функционировании как общеимперской, так и мест-

⁴⁴ *Medicos et maxime archiatros vel ex archiatis, grammaticos et professores alios litterarum una cum uxoribus et filiis nec non etiam rebus, quas in civitatibus suis possident, ab omni functione et ab omnibus muneribus civilibus vel publicis immunes esse praecipimus neque in provinciis hospites recipere nec ullo fungi munere nec ad iudicium deduci vel exhiberi vel iniuriam pati, ut, si quis eos vexaverit, poena arbitrio iudicis plectetur. Mercedis etiam eorum et salaria reddi iubemus, quo facilius liberalibus studiis et memoratis artibus multos instituant* (333 г. н.э.).

⁴⁵ Об этих привилегиях см. *Bejow*. Op. cit. S. 22 f.; *Marrou*. Op. cit. P. 434 suiv.; *Bonner*. Op. cit. P. 157 ff.; *Hadot I. Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique*. P., 1984. P. 221 suiv., 230 suiv.; *Kaster*. Op. cit. P. 223 ff.; *Marotta*. Op. cit. P. 93 ss.; *Coppola*. Op. cit. P. 412 ss.

⁴⁶ В делах о *calumpnia* (т.е. заведомо неправомерных судебных требованиях), разбиравшихся в порядке экстраординарного судопроизводства, наказание назначалось по усмотрению судьи (*Бартошек М.* Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. S. v. *Calumpnia*. С. 59).

⁴⁷ Возможно, судебная льгота заключалась в том, что подобные дела разбирали самолично столичные сановники или наместники провинций.

⁴⁸ Уже к концу I в. н.э. представления такого рода стали общим местом. Так, например, Квинтилиан, говоря о типичных риторических контroversиях, приводит в качестве примера такую, где разбирался вопрос: кто полезнее всех для своего города (*utilissimus civitati*) – оратор, философ или врач (Inst. or. 7. 1. 38)?

⁴⁹ *Kaster*. Op. cit. P. 225. Not. 114.

⁵⁰ См. D. 50. 13. 1. 1; 50. 13. 1. 4; 50. 13. 1. 5; 50. 13. 1. 6; 50. 13. 1. 8.

⁵¹ По свидетельству Ульпиана, в отношении профессоров наместники «имеют обыкновение» вершить правосудие, а в отношении врачей они «должны» (курсив мой. – А.С.) вершить правосудие, так же как и для профессоров (D. 50. 13. 1 pr.; 50. 13. 1. 1). Очевидно, врачи были удостоены особой правовой защиты незадолго до того времени, когда Ульпиан работал над своим трактатом (ср. *Coppola*. Op. cit. P. 274, 286).

⁵² Следует отметить, что упоминаемые Ульпианом в числе преподавателей «благородных наук» геометры (D. 50. 13. 1 pr.), по мнению римлян, также были связаны с подготовкой ораторов. Квинтилиан посвящает этому вопросу один из разделов своего учебника (Inst. or. 1. 10. 34–49) и в конце его приходит к выводу, что оратор никоим образом не может обойтись без геометрии (...*nullo modo sine geometria esse possit orator*).

ных городских элит⁵³. Таким образом, в том, что касается преподавателей, римские представления об общественной пользе имели явно аристократический характер. Примерно то же самое можно утверждать и в отношении медиков. Врачам широкого профиля, «заботящимся о здоровье людей», Ульпиан противопоставляет претендующих на принадлежность к этой профессии «узких специалистов», которые «сулят исцеление какой-либо части тела или от какой-нибудь болезни»⁵⁴, а также знахарей-шарлатанов (D. 50. 13. 1. 1–3). Как справедливо отмечалось рядом романистов, речь здесь идет о противопоставлении «ученой» и народной медицины, широкообразованных врачей-профессоров типа Галена и полуобразованных врачей-ремесленников⁵⁵. Хотя Ульпиан включает и тех и других в число лиц, пользующихся особой правовой защитой, лишь первых из них он считает врачами в полном смысле этого слова. Разумеется, услуги таких врачей были доступны главным образом богатым и влиятельным пациентам⁵⁶, т.е. тем же, кто мог себе позволить учиться у грамматиков и риториков⁵⁷. Поскольку число профессоров и врачей, пользующихся налоговым иммунитетом и освобождением от повинностей, было строго ограничено при Антонине Пии в каждом городе (D. 27. 1. 6. 2.)⁵⁸, можно предположить, что большая часть врачей-ремесленников, а также все повивальные бабки не имели иных льгот, кроме права предъявлять исковые требования по поводу своей платы *extra ordinem*⁵⁹.

В числе «специалистов», пользовавшихся особой правовой защитой, Ульпиан называет сразу вслед за преподавателями благородных наук и врачами учителей начальной школы (*ludi litterarii magistri*), а также переписчиков (*librarii*), стенографов (*notarii*) и «счетоводов либо табуляриев» (*calculatores sive tabularii*) (D. 50. 13. 1. 6). Очевидно, речь у него идет не о канцелярских служащих, а о преподавателях соответствующих дисциплин. Счетовода и стенографа как учителей начальной школы, окруженных юными учениками, упоминает Марциал (10. 62. 4), а Антонин Пий констатирует в своем указе, что счетоводы не принадлежат к профессорам (C. X. 53(52). 4). Таррунтен Патерн среди воинов, освобожденных от самых тяжелых работ, наряду с другими категориями писарей называет «*librarii quoque qui docere possint*» (D. 50. 6. 7(6)). Наконец, все эти персонажи фигурируют в Диоклетиановом Эдикте о ценах⁶⁰ в компании с *magister institutor litterarum* там, где говорится о заработках преподавателей⁶¹. Из тех,

⁵³ Marotta. Op. cit. P. 143; Kaster. Op. cit. P. 22 ff., 27, 29 f., 225; Harris. Op. cit. P. 246 f., 250; Coppola. Op. cit. P. 563, 575; Agusta-Boulardot S. Les références épigraphiques aux *grammatici* et Грамматικοί de l'Empire romain (Ier siècle av. J.C. – IV siècle ap. J.C.) // MEFRA. 1994. 106. P. 738.

⁵⁴ Именно о таких «специалистах», по всей видимости, идет речь в «Письмах» Скрибония Ларга, отмечавшего, что многие, овладев лишь частью искусства врачевания, добились звания врача во всей его полноте (P. 4. 1. 25 Helmreich).

⁵⁵ Bernard. Op. cit. P. 62 suiv.; Guarino. Gli «specialisti»... P. 328; Marotta. Op. cit. P. 145; Coppola. Op. cit. P. 275; Wacke A. Die Anerkennung der Medizin als *ars liberalis* und der Honoraranspruch des Arztes // ZSS. 1996. 113. S. 392. Ср. Позднякова Н.А. Место науки в системе мировоззрения // Культура древнего Рима. Т. 1 / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. С. 270 сл.

⁵⁶ Scarborough J. Roman Medicine. L., 1969. P. 108, 115, 121.

⁵⁷ Круг тех, кто мог позволить себе изучение филологии и риторики в древнем Риме, был очень ограничен (Booth A.D. The Schooling of Slaves in First-Century Rome // TAPA. 1979. 109. P. 14 f.; Kaster. Op. cit. P. 22 ff., 29).

⁵⁸ По мнению И. Адо, подобные ограничения могли существовать и до Антонина Пия (Op. cit. P. 228).

⁵⁹ Одним из важных критериев включения кандидата в число лиц, пользующихся привилегиями (*numerus clausus*), была его ученость (D. 27. 1. 6. 10), а сам отбор кандидатов проводился городским Советом, в котором заседали скорее всего пациенты ученых врачей, а не лекарей-ремесленников. Повивальные бабки не включались в *numerus*.

⁶⁰ Ссылки на Эдикт о ценах даются по изданию: Diokletians Preisedikt. Texte und Kommentare / Hrsg. von S. Lauffer. B., 1971.

⁶¹ «Учителю грамоты 50 денариев в месяц за одного ученика» (7. 66), «учителю арифметики (*calculatori*) 75 денариев...» (7. 67), «учителю стенографии (*notario*) 75 денариев...» (7. 68), «учителю-копиисту (*librario sibe antiquario*) 50 денариев...» (7. 69).

кого перечисляет Ульпиан в § 6, только табулярии (т.е. архивариусы или регистраторы) нигде не упоминаются в качестве учителей. Однако одно из значений слова *tabulae* – это финансовые документы, книги доходов и расходов, поэтому табулярием могли называть счетовода-бухгалтера⁶². На этом основании можно предположить, что «*calculator sive tabularius*» означает «счетовод он же бухгалтер», и, следовательно, здесь имеются в виду не две разные специальности, а два разных названия одной и той же⁶³. Не упомянутые в Ульпиановом фрагменте канцелярские служащие, которые не были связаны с преподаванием, по всей видимости, не пользовались особой правовой защитой⁶⁴. Таким образом, в § 6 говорится только о разного рода учителях начальной школы. Но почему все они получили доступ к *cognitio extra ordinem*? Ульпиан отмечает только, что это было присвоено ими в силу обычая (*usurpatum est*), хотя они и не являются профессорами (D. 50. 13. 1. 6). Последнее означает, что их деятельность не считалась особенно полезной для общества, и поэтому они не могли претендовать на какие-либо льготы и привилегии. В этом вопросе однако нет полной ясности. С одной стороны, есть прямые указания, что учителя не имеют на них права⁶⁵. С другой – заявления подобного рода иногда сопровождаются определенными оговорками⁶⁶, да и сами по себе свидетельствуют о том, что учителя начальной школы все-таки претендовали на льготы и привилегии. У Аркадия Харизия, писавшего, видимо, на рубеже III и IV вв., есть не совсем ясное указание на освобождение их (или некоторых из них) от повинностей: «Учителям, которые имеют освобождение от общественных повинностей, (а также грамматикам, риторам, врачам и философам была предоставлена принципами льгота, чтобы они не принимали (кого-либо) на постой. Это постановили в своих рескриптах божественный Веспасиан и божественный Адриан» (D. 50. 4. 18. 30)⁶⁷. Еще Куяций полагал, что переписчики допустили ошибку и вместо *item* (также) в оригинале было *id est* «то есть». В этом случае здесь вообще ничего нет о привилегиях учителей начальной школы⁶⁸. Однако, как отметила И. Адо, в юридических текстах термин *magister* никогда не используется для общего обозначения грамматиков, риторов и философов, и, следовательно, в этом фрагменте речь идет о какой-то группе учителей начальной школы, которые в виде исключения могли получать освобождение от повинностей⁶⁹. Вероятно, в тех городах, где не было достаточно грамматиков и риторов, чтобы заполнить *numerus clausus*, туда могли включать отдельных учителей начальной школы⁷⁰. Говоря о привилегиях и льготах, следует также иметь в виду, что на практике (особенно в провинциях) четко разграничить

⁶² D. 11. 6. 7. 4; *Sen. Ep.* 88. 10; Oxford Latin Dictionary / Ed. P.G.W. Glare. Oxf., 1988. S. v. *Tabularius*. P. 1899.

⁶³ Ср. «*librarius sive antiquarius*» (Ed. pr. 7. 69), «*orator sive sofista*» (Ed. pr. 7. 71).

⁶⁴ В Ульпиановом Комментарий к Эдикту указано, что секретарь (эксептор) по поводу причитающейся ему платы должен вчинить иск из договора найма (*locatio-conductio*) в порядке обычного судопроизводства (D. 19. 2. 19. 9).

⁶⁵ «Божественный Антонин Великий (т.е. Каракалла. – А.С.) постановил в рескрипте, что те, кто учит детей грамоте, не имеют освобождения (от повинностей)» (D. 50. 4. 11. 4). Ср. С. X. 53 (52). 4.

⁶⁶ «Те, кто учит детей грамоте, не имеют освобождения от общественных повинностей, но добросовестность требует от наместника (*ad praesidis religionem pertinet*), чтобы ни на кого из них не налагались (повинности), превышающие их силы, (независимо от того) преподают ли учителя грамоту в городах или в селах» (D. 50. 5. 2. 8). Таким образом, если учителя начальной школы не могут претендовать на освобождение от повинностей на основании закона, они тем не менее вправе рассчитывать на определенные поправки со стороны наместника вследствие связанных с его должностью моральных обязательств.

⁶⁷ *Magistris, qui civiliun munerum vacationem habent, item grammaticis et oratoribus et medicis et philosophis, ne hospitem reciperent, a principibus fuisse immunitatem indultam et divus Vespasianus et divus Hadrianus rescipserunt.*

⁶⁸ Так считает Г. Байэрсок (*Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxf., 1969. P. 32).

⁶⁹ *Hadot*. Op. cit. P. 223, 232 suiv.; ср. *Harris*. Op. cit. P. 235 f.

⁷⁰ Например, в горнорудном поселении Випаска, где не имелось своих риторов и грамматиков, учителя начальной школы были освобождены от муниципальных повинностей (ILS 6891 = FIRA I. 105. Стр. 57).

учителей начальной школы от грамматиков и геометров не всегда было возможно⁷¹.

Таким образом, если по своему социальному и правовому статусу, уровню доходов и составу аудитории учителя начальной школы и профессора благородных наук принадлежали к двум разным мирам, между ними тем не менее нельзя было провести жесткой границы. Кроме того, наряду с различиями они имели, в представлении римлян, и немало общего друг с другом. В Ульпиановом фрагменте все они как единое целое противопоставляются «чернорабочим и мастерам других искусств, не связанных с буквами или стенографическими знаками» (D. 50. 13. 1. 7). В Эдикте о ценах, судя по порядку перечисления отдельных специальностей, они образуют общую группу преподавателей⁷². Сенека отмечает, что хотя овладение грамотой и не научает детей благородным наукам, оно готовит почву для обучения им в скором времени (Ep. 88.20). Апулей говорит о трех чашах муз, необходимых для духовного совершенства: первая – чаша учителя грамоты (*litterator*), вторая – грамматика и третья – ритора (Flor. 20)⁷³. Все это позволяет предположить, что распространение привилегий, дарованных профессорам, на учителей начальной школы могло быть связано с тем, что в глазах римлян последние тоже были преподавателями и имели некоторое отношение к обучению благородным наукам. Вместе с тем не стоит упускать из виду, что из тех привилегий, которыми пользовались профессора, только особой правовой защитой обладали все учителя начальной школы, остальные же льготы достались, по видимому, лишь немногим из них. Поэтому объяснить их право на *congnitio extra ordinem* только тем, что они были в некоторых отношениях близки к профессорам, вряд ли возможно. Некоторые романисты полагают, что судебная льгота была наградой учителям (и прежде всего тем из них, кто был связан с канцелярскими специальностями) за их участие в подготовке кадров для императорской бюрократии⁷⁴. Однако эта гипотеза является чисто умозрительной, поскольку не подкрепляется какими-либо свидетельствами эпохи Империи⁷⁵.

Вслед за учителями в Ульпиановом перечне «специалистов» идут «спутники» (*comites*), которые могут требовать причитающееся им жалование на том же основании, что и профессора (D. 50. 13. 1. 8). Некоторые исследователи полагают, что речь идет о помощниках наместников⁷⁶, которых называли спутниками, поскольку они повсюду сопровождали своих начальников. Однако совершенно непонятно, что общего у них с профессорами. И кроме того, известно, что при Ульпиане они должны были истребовать причитающуюся им плату в порядке обычного судопроизводства по договору найма (D. 19. 22. 19. 10). Поэтому более убедительным представляется мнение, что Ульпиан имел в виду помощников профессоров, которые также назывались

⁷¹ Так, грамматик могли учить грамоте детей из богатых и влиятельных семей, с другой стороны, в небольших городах, где не было своих грамматиков, отдельные учителя начальной школы могли обучать своих учеников (в том числе и из богатых семей) не только грамоте, но и основам филологии. Пересечение сфер деятельности вело к путанице в терминологии – словом *litterator* (или *γραμματικός*) могли обозначать и учителя начальной школы, и домашнего наставника, и грамматика, обучающего грамоте. По надписям и текстам нередко трудно понять, идет ли в том или ином конкретном случае речь об учителях начальной школы или преподавателях благородных наук (*Kaster*. Op. cit. P. 24, 44 ff.; *Harris*. Op. cit. P. 234 f.; *Agusta-Boularot*. Op. cit. P. 683; *Cribiore*. Op. cit. P. 14, 20 f.).

⁷² Привожу здесь продолжение списка из прим. 61: «Грамматику греческому или латинскому и геометру 200 денариев в месяц за одного ученика» (7. 70), «ритору или софисту (*oratori sive sofistae*) 250 денариев...» (7. 71). Обращает на себя внимание, с одной стороны, большая разница в материальном обеспечении учителей и профессоров (соотношение 1 к 4 или к 5, а фактически еще больше, если принять в расчет привилегии и оклады грамматиков и риторов, входивших в *numerus clausus*), а с другой – то, что все они стоят в одном ряду.

⁷³ Об аналогичных свидетельствах эпохи Поздней империи см. *Kaster*. Op. cit. P. 44.

⁷⁴ *Marotta*. Op. cit. P. 146; *Coppola*. Op. cit. P. 264, 280.

⁷⁵ Как справедливо отметил П. Кастер, подобный подход связан с неправомерным смещением результатов с намерениями (Op. cit. P. 225. Not. 115).

⁷⁶ *Macqueron*. Op. cit. P. 173; *Crook*. Op. cit. P. 204; *Visky*. *Geistige Arbeit...* S. 80; ср. *El Digesto de Justiniano...* P. 839.

спутниками, поскольку повсюду следовали за своими принципалами⁷⁷. Мне кажется возможным, что Ульпиан использовал этот термин также и для обозначения педагогов (*paedagogi*), которые нередко именовались спутниками, поскольку повсюду сопровождали своих подопечных⁷⁸, и которые в числе прочего выполняли те же обязанности, что и помощники профессоров⁷⁹. Педагоги в Эдикте о ценах, так же как и «спутники» в Ульпиановом фрагменте, являются ближайшими соседями учителей начальной школы⁸⁰. У нас нет данных о каких-либо иных привилегиях и льготах педагогов и ассистентов профессоров, кроме судебной.

Упоминанием о «спутниках» Ульпиан завершает обсуждение вопроса о «специалистах», имеющих ту же самую судебную льготу, что и профессора, и, отметив, что «также и против *всех них* (курсив мой. – А.С.) наместник должен проводить судебное разбирательство» (D. 50. 13. 1. 9), переходит к новой теме – распространению особой правовой защиты на их контрагентов. Этот вопрос он разбирает на примере исковых требований, предъявляемых адвокатам их клиентами в порядке экстраординарного судопроизводства (D. 50. 13. 1.9–13). Ульпиан долго и обстоятельно рассуждает о гонорарах адвокатов⁸¹ и претензиях по поводу полученной, но не отработанной ими платы, однако он ни единым словом не упоминает, какое отношение имеют все эти сюжеты к прочим «специалистам», пользующимся особой правовой защитой, и их контрагентам. Складывается впечатление, что в этом экскурсе он не столько развивает свою основную тему, сколько отступает от нее. Поскольку адвокаты не фигурируют в общем перечне «специалистов», удостоенных судебной льготы, остается только строить догадки по поводу того, что их объединяло и в какой мере их вообще можно рассматривать как единое целое. Адвокатов безусловно сближало с остальными то, что их занятие считалось весьма почетным⁸², а сами они по большей части принадлежали к миру риторического образования и словесной культуры⁸³. В Эдикте о ценах адвокаты стоят в одном ряду с преподавателями, являясь ближайшими соседями риториков⁸⁴. С другой стороны, в источниках отсутствуют не только указания на какие-либо привилегии и льготы, связанные с профессией адвоката, но даже и на соответствующие претензии представителей этой специальности. Деятельность адвоката долгое время рассматривалась в Риме не как профессия, а как безвозмездное занятие

⁷⁷ *Klami*. Op. cit. P. 581. Термин «*comites*» в значении – «наставники, преподаватели» – встречается в неюридических текстах (A Latin Dictionary. S. v. *Comes*. P. 374).

⁷⁸ В таком значении термин «*comites*» встречается как в юридических, так и неюридических текстах (D. 47. 10. 15. 16: *Comitem accipere debemus eum, qui comitetur et sequatur et (ut ait Labeo) sive liberum sive servum sive masculum sive feminam... inter comites utique et paedagogi erunt*. Cp. D. 47. 11. 1. 2. См. также *Verg. Aen.* 5. 546; *Liv.* 5. 27. 1; *Suet. Claud.* 35. 2; *Stat. Silv.* 5. 2. 60. *Bernard*. Op. cit. P. 29. Not. 92).

⁷⁹ *Schuppe E. Paedagogos* // RE. Bd XVIII. 2. 1943. Sp. 2379 ff.; *Bonner*. Op. cit. P. 39 ff.; *Visky*. Geistige Arbeit... S. 32; *Harris*. Op. cit. P. 239; *Criboire*. Op. cit. P. 16.

⁸⁰ «Педагогу 50 денариев в месяц за одного ученика» (7. 65), «учителю грамоты 50 денариев...» (7. 66).

⁸¹ Как отмечает Дж. Коппола, плата, которую получали адвокаты от клиентов, не может рассматриваться как *honorarium* в традиционном римском понимании этого слова. Не случайно поэтому в Ульпиановом фрагменте, наряду с термином *honorarium* (возможно, включенном в него интерполяторами) для обозначения этой платы, встречается также и термин *merces* (*Coppola*. Op. cit. P. 197. Not. 111, 206 ss., 247 ss., 283 ss.).

⁸² Квинтилиан характеризует деятельность адвоката как «самый почетный труд» (*honestissimus labor* – *Inst. or.* 12. 7. 10), Тацит – как «прекраснейшее и лучшее из благородных искусств» (*pulcherrimam alioquin et bonarum artium principem* – *Ann.* 11. 6. 2). См. также *Bernard*. Op. cit. P. 99. Not. 83.

⁸³ Одним из главных достоинств адвоката считалось его красноречие (D. 50. 13. 1. 10). Знаменитые риторы (такие, как Квинтилиан, Корнелий Фронтон, Либаний и многие светила второй софистики) нередко выступали в качестве адвокатов. Неслучайно слово *orator* могло означать и ритор и адвокат (*Дыдынский*. Указ. соч. S. v. *Orator*. C. 386; *Oxford Latin Dictionary* ... S. v. *Orator*. P. 1263).

⁸⁴ Привожу здесь продолжение списка из прим. 72: «Ритору или софисту (*oratori sive sofistae*) 250 денариев в месяц за одного ученика» (7. 71), «адвокату или юристу (*advocato sive iuris perito*) в уплату за представление дела в суд 250 денариев» (7. 72), «за судебную защиту 1000 денариев» (7. 73), «строителю-преподавателю (*architecto magistro*) 100 денариев в месяц за одного ученика» (7. 74). Интересно, что адвокаты оказались включенными в группу преподавателей.

людей высшего общества, поддерживающих и защищающих в суде своим влиянием и красноречием друзей и клиентов. По мере того как все больше небогатых и незнатных людей становилось адвокатами, старые нормы постепенно теряли свою силу, однако только при Клавдии адвокаты получили законное право на гонорар (не превышающий 10 тыс. сестерциев)⁸⁵, который можно было, по всей видимости, истребовать в порядке экстраординарного судопроизводства⁸⁶. Однако традиционные аристократические представления, связанные с деятельностью адвокатов, долгое время продолжали существовать, и те из них, кто принадлежал к привилегированным сословиям, могли по-прежнему не брать платы за свои услуги⁸⁷, уподобляясь тем самым скорее философам и юристам, чем прочим преподавателям и врачам. Таким образом, наделение адвокатов особой правовой защитой могло рассматриваться не как судебная льгота, а как свидетельство деградации былого престижа этого почтенного занятия, поэтому, вероятно, адвокатам не нашлось места в Ульпиановом перечне «специалистов», удостоенных такой чести.

Закончив обширный экскурс, посвященный адвокатам и их клиентам, Ульпиан снова возвращается к своей основной теме – вопросу о «специалистах», имевших особую правовую защиту, «забыв», что он уже завершил ее изложение и подвел итоги. В перечень тех, кто был приравнен к профессорам в отношении судебной льготы, он включает нянь-кормилиц (D. 50. 13. 1. 14), а затем снова подтверждает право контрагентов привилегированных «специалистов» на аналогичную льготу, трактуя этот вопрос в связи с *petitiones mutuae*, т.е. в ином аспекте, чем раньше (D. 50. 13. 1. 15). Таким образом, няни-кормилицы оказываются в своеобразном пост-скриптуме Ульпианова фрагмента. Из числа прочих перечисляемых Ульпианом «специалистов» нянь-кормилиц выделяет также и то, что наш автор ни единым словом не упоминает об их отношении к профессорам⁸⁸. Право нянь-кормилиц на судебную льготу Ульпиан обосновывает столь же странно, как и право учителей начальной школы: наместники должны разбирать искивые требования нянь-кормилиц *extra ordinem*, поскольку те имеют обыкновение обращаться к наместникам со своими претензиями (т.е. потому, что так уже повелось). Свидетельств о каких-либо иных привилегиях и льготах нянь-кормилиц не имеется. Возникает естественный вопрос: почему же они оказались в одной компании с профессорами, врачами и учителями, а не с работниками тех ремесел, которые не связаны с буквами и стенографическими знаками⁸⁹?

Отвечая на этот вопрос, некоторые исследователи просто зачисляют нянь-кормилиц в одну категорию с повивальными бабками, а следовательно, и с врачами, не приводя каких бы то ни было аргументов в пользу такой классификации⁹⁰. Понять их побу-

⁸⁵ *Tac. Ann.* 11. 7. При Нероне дважды возобновляли запрет адвокатам получать какой-либо гонорар (*Tac. Ann.* 13. 5; 13. 42), однако без особого успеха.

⁸⁶ *Bernard.* *Op. cit.* P. 99.

⁸⁷ Как, например, Плиний Младший (Ep. 5. 13 (14), 8). Квинтилиан разбирает вопрос, должен ли адвокат брать плату за свои услуги (*Inst. or.* 12. 7. 8–12). Император Валентиниан запретил адвокатам, принадлежащим к *honorati*, брать плату за судебную защиту (С. II. 6. 6. 4–5). О длительном сохранении при Империи аристократических представлений в этой области деятельности см. *Crook J.A. Legal Advocacy in the Roman World. L., 1995. P. 44. 122 f.*

⁸⁸ Очевидно, потому что всем и так было ясно – никакого отношения няни-кормилицы к профессорам не имеют. Можно отметить, что перечисление «специалистов», пользующихся особой правовой защитой, следует в Ульпиановом перечне принципу – от высшего к низшему. В Эдикте о ценах перечень (в том, что касается преподавателей) тот же самый, только порядок перечисления прямо противоположный – от низшего к высшему.

⁸⁹ Этот вопрос не привлек сколько-нибудь значительного внимания романистов, занимающихся проблемой «благородных наук» и вознаграждения за интеллектуальный труд в древнем Риме. Даже в фундаментальных монографиях, в которых подробно разбирается едва ли не каждое слово Ульпианова фрагмента, няни-кормилицы упоминаются лишь мельком (*Visky, Geistige Arbeit ... S. 71*), либо им посвящается по 2–3 страницы (*Bernard. Op. cit. P. 84–86; Coppola. Op. cit. P. 276–278*).

⁹⁰ *De Robertis. Op. cit. P. 194; Michel. Op. cit. P. 199, 208 suiv.; Wacke. Op. cit. S. 416 f.*

длительные мотивы не особенно трудно: и те и другие «специалисты» – это женщины, связанные с грудными младенцами и не имеющие ничего общего с «буквами или стенографическими знаками»; и те и другие принадлежат к социальным низам и кроме особой правовой защиты никакими иными привилегиями не обладают. Однако нет данных, что сами римляне, и в частности Ульпиан, руководствовались подобной логикой. Как уже отмечалось, няни-кормилицы в Ульпиановом перечне стоят особняком, и в композиционном отношении они все-таки ближе к «спутникам», а с точки зрения обоснования их льготы – к учителям начальной школы. Особую позицию в этом отношении занимает А. Бернар, который разбирает вопрос о нянях-кормилицах в приложении к главе, посвященной врачам, однако не видит прямой связи между нянями и повивальными бабками. Он отмечает, что главную роль в наделении нянь судебной льготой играло кормление грудью. Молоко, которое давала ребенку свободная женщина, не могло стать объектом договора найма, поскольку та, кто заменяла ребенку мать и заботилась о его жизни и здоровье, играла столь важную роль, что ее нельзя было поставить наравне с простыми наемниками⁹¹. Полемизируя с А. Бернаром, Дж. Коппола справедливо отметила, что те няни-кормилицы, которые работали за плату, рассматривались в Риме как одна из категорий наемных работников⁹². Однако в остальном взгляды этих исследователей практически сходятся. О нянях-кормилицах Дж. Коппола пишет там же, где о врачах и повивальных бабках. Она полагает, что, занимая место матери, няня-кормилица брала на себя ее заботу о физическом и моральном здоровье детей, что позволяет проводить аналогию между ее трудом и деятельностью врачей и преподавателей. Именно поэтому няня-кормилица была удостоена особой правовой защиты вместе с ними⁹³.

Такая трактовка представляется мне спорной, поскольку она не учитывает в достаточной мере взгляды и представления самих римлян. По их мнению, забота о здоровье и образовании детей лежала не на матери, а на отце-домовладыке (*pater familias*), с которым всегда оставались жить дети в случае развода родителей⁹⁴. Римляне, которые даже в деятельности учителей начальной школы и профессоров с трудом находили что-то общее, вряд ли могли видеть в нянях-кормилицах представителей того же самого рода занятий, к которому принадлежали преподаватели и врачи⁹⁵. Наконец, если руководствоваться логикой Дж. Коппола, то остается непонятным, почему «сухие няни», которые не кормили ребенка грудью, но в остальном делали ту же самую работу, что и кормилицы, не могли пользоваться особой правовой защитой.

Разбирая вопрос о причине включения нянь-кормилиц в перечень привилегированных «специалистов», необходимо принять во внимание, что, по мнению Ульпиана, у

⁹¹ Bernad. Op. cit. P. 85 suiv.

⁹² Так, например, из римского Египта дошло около полутора десятков папирусов с текстом заключенных с нянями-кормилицами договоров найма. Самый поздний из них относится к 139–140 гг. н.э. (*Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 322 BC – 640 AD. 2nd ed. Warszawa, 1955. P. 377. Not. 7*). Это подтверждается и литературными свидетельствами, относящимися к другим регионам империи (*Coppola, Op. cit. P. 278*).

⁹³ Coppola. Op. cit. P. 276 ss.

⁹⁴ Не случайно Квинтилиан обращается с рекомендациями о наилучшем воспитании и образовании будущего оратора к его отцу, а не к матери (*Inst. or. I. 11*). Ср. *Plut. De educ. liber. 4*. По поводу существенных различий между ролью матери в современном и римском мире см. *Dixon S. The Roman Mother. London – Sydney, 1988. P. 110 ff., 120, 131, 134, 145, 233*.

⁹⁵ В доказательство своей точки зрения Дж. Коппола ссылается (*Op. cit. P. 277. Not. 241*) на совет Квинтилиана – выбирать для своего ребенка няню, умеющую правильно говорить (*Inst. or. I. 1. 4–5*). Однако в данном случае знаменитый ритор рассуждает не об обучении будущего оратора, а об устранении любого вредного воздействия на его речь. Поэтому он проводит аналогию не между няней и учителями, а между нею и мальчишками (очевидно, рабами), в окружении которых подрастает ее подопечный (*Inst. or. I. 1. 8*). Какие-либо иные данные об уподоблении римлянами профессиональной деятельности нянь-кормилиц и преподавателей отсутствуют. Зато в Дигестах имеется прямо противоположное свидетельство. Средства, вложенные в обучение детей (*in doctrinam*), Павел противопоставляет тем, которые были уплачены няне за их воспитание (*ad educendum – D. 24. 1. 28. 1*).

всех них, а также у философов и профессоров права была одна общая особенность: их занятия принадлежали к высокопочитаемым и священным, что выделяло их из числа прочих «подлых профессий» (*artes sordidae*)⁹⁶. Остается только выяснить, какие именно основания могли позволить признать скромную деятельность нянь-кормилиц, работавших по найму, священной.

Уже со времени Поздней республики профессия няни-кормилицы была широко распространенной и востребованной, особенно в богатых семьях⁹⁷. Витрувий констатирует, как само собой разумеющееся, что родившийся на свет младенец не может быть выкормлен без нянинного молока (2 гр. 3).

Обращаясь к читателям – людям своего круга, Цицерон отмечает: «Мы, едва явившись на свет, уже оказываемся в хаосе ложных мнений и чуть ли не с молоком кормилицы, можно сказать, впадаем в заблуждения. От нее мы переходим к родителям, от родителей к учителям и впадаем все новые и новые заблуждения...» (*Tusc.* 3. 1. 2; пер. М. Гаспарова). Няня, таким образом, в представлении римлян была столь же привычным и необходимым для ребенка человеком, как и его родители и учителя, и так же как и они, вольно или невольно оказывала на него глубокое воздействие. Противопоставляя испорченным цивилизацией римлянам близких к природе германцев, Тацит указывает: «Каждого из них кормит грудью собственная мать, а служанкам и кормилицам их не отдают» (*German.* 20. 1)⁹⁸. Из этого высказывания можно узнать не только о существовании двух видов нянь: домашних рабынь и наемных работниц⁹⁹, но также и о неодобрительном отношении верных древним традициям римлян к отказу от порядка, установленного самой природой. Не только Тацит, но и многие другие современные ему писатели настаивали на том, чтобы, как это принято у предков, мать в богатом доме выкармливала детей своим молоком¹⁰⁰. В эпитафии жены богатого императорского отпущенника в числе прочих ее замечательных достоинств было отмечено, что она даже выкормила собственной грудью своих детей¹⁰¹, т.е. была не только идеальной женой, но и идеальной матерью¹⁰². Эта надпись свидетельствует как о широком распространении традиционных взглядов, так и о глубоком расхождении между ними и реальной жизнью.

Представления римлян о необходимости выкармливания ребенка материнским молоком нашли наиболее полное воплощение в переданной Авлом Геллием речи философа Фаворина (*NA.* 12. 1). По его мнению, материнское молоко ничем, кроме цвета, не отличается от крови, которую получало еще нерожденное дитя в материнской утробе (12. 1. 12). Черты телесного и духовного сходства ребенка с родителями обусловлены особенностями как отцовского семени, так и материнского молока (12. 1. 14), поэтому питание новорожденного чужим молоком означает, что он склады-

⁹⁶ См. выше прим. 23.

⁹⁷ Ювенал, противопоставляя богатым бездельницам несчастных бедных женщин, пишет, что им, подчиняясь року, приходится переносить и опасности родов и тяжкие труды няни-кормилицы (*Sat.* 6. 592–594). Здесь выделены два полюса, на одном из которых никогда не обходились без услуг кормилицы, а на другом – никогда к ним не прибегали. В семьях среднего достатка к няням-кормилицам могли обращаться в случае необходимости, например, из-за смерти, болезни или новой беременности матери новорожденного (*Bradley. Discovering the Roman Family... P.* 19, 21; *idem. Wet-nursing at Rome: Study in Social Relations // The Family in Ancient Rome. New Perspectives // Ed. by B. Rawson. London – Sydney, 1986. P.* 201, 203 ff.).

⁹⁸ *Sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis ac nutricibus delegantur.*

⁹⁹ В трактате «Об ораторах» Тацит также пишет об этих двух видах нянь, упоминая «греческую служаночку-рабыню» (*Graecula ancilla – Dial.* 29. 1) и наемную, букв. «покупную няню» (*empta nutrix – Dial.* 28. 4).

¹⁰⁰ *Tac. Dial.* 28–29; *Plut. De educ. liber.* 3 C–D; *Plut. Cat. Mai.* 20. 5; *Aul. Gell.* 12. 1; *Soran. Gyn.* 2. 18; 4. 9; ср. *Plin. NH.* XXVIII. 123.

¹⁰¹ *Graxiae Alexandriae insignis exempli ac pudicitiae, quae etiam filios suos propriis uberibus educavit... (CIL.* 6.19128).

¹⁰² О женщине, кормящей грудью своего ребенка, Фаворин говорит, что она «полностью и целиком является матерью» (*tota interga mater*), а о той, которая отказывается от этого – что она «мать лишь наполовину» (*Aul. Gell.* 12. 1. 5–6).

вается и формируется из чужой плоти и крови (12. 1. 11) и приобретает чужие свойства (12. 1. 17). В обоснование своих взглядов Фаворин приводит аргументы «естественнонаучного» характера, проводя аналогии с животными и растениями. Он указывает, что если овечьим молоком вскармливаются козлята, а козьим – ягнята, то весьма часто у первых шерсть становится жестче, а у последних – волос делается мягче (12. 1. 15)¹⁰³. Также для умаления или приумножения врожденных свойств деревьев или злаков (*ad eorum indolem*) по большей части важнее сила и мощь питающих их воды и земли, чем самого посаженного семени, поэтому можно часто видеть, как пышное и цветущее дерево, пересаженное в другое место, погибает из-за сока худшей земли (12. 1. 16). В этом сравнении уподобление матери земле, а отцовского семени саженцу явно навеяны широкораспространенными представлениями¹⁰⁴, а конечный вывод – римским пониманием единого для всех закона природы¹⁰⁵. Таким образом, по мнению римлян, люди, как и все другие существа, созданы не только из плоти и крови своих родителей, но также и своей кормилицы, от которой, как и от отца с матерью, они наследуют те или иные свойства. Говоря о том, что всякий предмет превосходит свое начало, Сенека сопоставляет могучую реку с ее истоками, высокое дерево с его корнями, прославленного мужа с его скромной няней-кормилицей (*De benef. 3. 29. 4–7*). Он не видит существенной разницы между благодеяниями, совершенными отцом, родившим его, и няней, которая его выкормила, поскольку ни без того, ни без другого невозможно было бы достичь чего-либо в дальнейшем (*De benef. 3. 29. 7*). Указывая, что человек своей смертью отдает долг породившей его природе, Марк Аврелий пишет, что умерев, он упадет на землю, откуда его отец взял семя, мать – кровь, а няня-кормилица – молоко (5. 4), т.е. все, из чего он был создан. Соран советует выбирать кормилицу уравновешенную и со спокойным характером, поскольку младенцы естественно уподобляются той женщине, которая их выкармливает, и приобретает присущие ей черты характера (*Гуп. 2. 19*; ср. *Quint. Inst. Or. 1. 1. 4*). В соответствии с этими представлениями няня-кормилица наряду с отцом и матерью оказывается в числе самых близких человеку людей, неразрывно связанных с ним самой природой¹⁰⁶. Очевидно, именно поэтому в Ульпиановом фрагменте кормилицы выделяются из числа прочих нянь и воспитателей, ухаживающих за ребенком.

Близость кормилицы к ее питомцу, по мнению верных древним традициям римлян, могла сказаться на его отношениях с родителями. Отказываясь от обязанностей, возложенных на нее самой природой, мать, согласно моралистам, тем самым разрывает естественные связи между собой и ребенком, который переносит свою любовь на завышную ее место няню¹⁰⁷. «И поэтому, – замечает Фаворин, – раз были забыты и

¹⁰³ Подобные представления о роли чужого молока при вскармливании животных можно найти и у Колумеллы, отметившего в частности, что если мы хотим сохранить превосходные врожденные свойства (*generosam indolem*) щенков, нельзя допустить, чтобы их вскармливала грудью чужая кормилица, а не их собственная мать (*De re rust. 7. 12. 12*).

¹⁰⁴ Как и многие другие народы, римляне отождествляли землю с матерью, а слово *semen* означало у них и семя и саженец. О формировании зародыша из плоти другого человека Фаворин говорит буквально следующее: «в чьем теле был привит человек» (или: «им был пущен корень») – *cuius in corpore... homo coalitus sit* (12. 1. 11).

¹⁰⁵ Рассуждая о спецификации (т.е. праве собственности на вещь, сделанную из чужого материала), Павел заявляет: «Дерево, выкопанное с корнями и пересаженное в другое место, до того как оно пустит корень, принадлежит прежнему собственнику, а там, где оно пустило корень, следует за землей, и если опять будет вырыто, то не возвращается к прежнему собственнику, ведь весьма вероятно, что из-за другого питания, (полученного) от земли оно стало другим» (*D. 41. 1. 26. 1*).

¹⁰⁶ Это касалось и детей кормилицы – молочных братьев и сестер ее питомца. Плутарх сообщает, что жена Катона не только сама вскармливала собственного сына, но и часто кормила грудью детей своих рабов, желая внушить им вследствие совместного вскармливании расположение к сыну (*Cat. Mai. 20. 5*). Об особом положении молочных братьев и сестер домовладыки или его детей в римской фамилии см. *Bonner. Op. cit. P. 36 f.*

¹⁰⁷ Такова основная идея речи Фаворина (12. 1). Ср. *Plut. De educ. lib. 3 D*. Взгляды современных психологов и психиатров во многом сходятся с этими представлениями (см. *Dixon. Op. cit. P. 119*).

погублены основы врожденной родственной привязанности (*nativae pietatis*), сколько бы вскормленные дети ни любили, как представляется, отца и мать, эта любовь едва ли не в большей части является не естественной, а искусственной и мнимой» (Aul. Gell. 12. 1. 23). Таким образом, кормилица, освобождая мать от многих тягостных обязанностей, вместе с тем лишает ее значительной доли, полагающейся ей по естественному праву родственной привязанности (*pietas*). Судя по имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам, для подобного рода опасений были определенные основания. В первые годы жизни ребенка няня-кормилица оказывались для него ближе родителей¹⁰⁸. Между няней и ее воспитанником обычно возникало чувство привязанности, которое нередко сохранялось, изменяясь при этом в зависимости от возраста бывшего подопечного, на протяжении всей жизни¹⁰⁹. Любовь няни-кормилицы к своему питомцу уподобляется римлянами материнской. В числе наших близких (*postrogum*) любящих нас неразумной любовью и желающих нам того, что не идет на пользу, Сенека называет няню, педагога и мать (Ep. 60. 1)¹¹⁰. Как свидетельствует римская поговорка, приведенная Публилием Сиrom, «скорбь няни (из-за утраты подопечного) уступает только материнской» (Sent. 659)¹¹¹. В числе близких родственников, перечисляемых в эпитафии, поставленной императорским отпущенником, няня идет сразу вслед за отцом и матерью (CIL 6. 20042)¹¹².

Из нескольких тысяч найденных в самом Риме надписей с эпитафиями 22 поставлены нянями (или ими и родителями) их питомцам и 40 – подопечными (или их родителями) своим няням¹¹³. Это не так уж и мало, если принять во внимание почти полное отсутствие, как отмечено Х. Нильсен¹¹⁴, упоминаний в эпитафиях лиц, не входивших в самый узкий семейный круг (*the closest family*)¹¹⁵. Ограниченный круг

¹⁰⁸ Видимо, с этим связаны приведенные выше слова Цицерона о переходе ребенка в определенном возрасте от няни к родителям (Tusc. 3. 1. 2). Квинтилиан гордился тем, что его умерший в пятилетнем возрасте сын предпочитал отца «няням, воспитывавшей его бабушке и всем тем, кто обычно привлекает к себе детей этого возраста» (Inst. or. 6 pr. 8). Характерно, что в перечне людей, пользующихся особой привязанностью малолетних детей, няня стоит на первом месте, а отец – на последнем. Утешая друга по поводу смерти его младенца-сына, Сенека замечает, что тот пока еще был лучше знаком няне, чем отцу (Ep. 99. 14). В другом сочинении он указывает, что юноши воспроизводят нравы своих кормилиц и педагогов, поскольку «всякое нежное молодое существо прилепляется к тем, кто рядом, и вырастает, подражая им» (De ira 2. 21. 9; пер. Т. Ю. Бородай).

¹⁰⁹ Kampen. Op. cit. P. 110; Dixon. Op. cit. P. 145; Bradley. Discovering the Roman Family... P. 20 ff., 25, 27.

¹¹⁰ Интересно, что в этом перечне, так же как у Квинтилиана, няня стоит на первом месте, а мать – на последнем.

¹¹¹ Secundus est a matre nutricis dolor.

¹¹² C. Iul. Aug. I. Helen sibi et Eroti patri et Zmyrnae matri et Tryphenae nutrici et Phoebe et Eupatoridi et Secundo et Aequali et Itariae – Caesaris vernis – et libertis et libertabus et posterisque eorum. В этом семейном захоронении императорские рабы и рабыни, замыкающие список близких родных, скорее всего являются братьями и сестрами дедиканта. Таким образом, няня оказалась не в числе клиентов, а внутри избранного круга лиц, который, пользуясь современной терминологией, можно назвать нуклеарной семьей. Это далеко не единственный случай такого рода. Так, например, Пумидий Магн поставил в колумбарии мраморную табличку своей няне и отпущеннице Пумидии Аттике, себе и своим, а также прочим не названным по имени отпущенникам и отпущенницам вместе с их потомством (CIL 6.35037). Ср. CIL 6.7290; 6.12133; 6.20938.

¹¹³ Список этих эпитафий, а также поставленных няням их питомцами, либо родителями последних приводится в работах: Bradley. Wet-nursing... P. 204–206; Dixon. Op. cit. P. 145. Not. 7. Общие данные о римских эпитафиях и основных категориях их дедикантов и адресатов даны в работе: Nielsen H.S. Interpreting Epithets in Roman Epitaphs // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. B. Rawson. P. Weaver. Canberra – Oxford. 1997. P. 170 ff.

¹¹⁴ Nielsen. Op. cit. P. 173.

¹¹⁵ Х. Нильсен включает нянь-кормилиц, их детей и воспитателей-мужчин (*nutritores*) в категорию «приемных родителей и родственников». Сопоставляя число эпитафий, посвященных представителям этой и других категорий, она приходит к выводу, что отношения, связанные с приемным родством, часто рассматривались как столь же важные и столь же личные, как и отношения тесного семейного родства (*ibid.*). Можно отметить, что из тех, кто включен исследователем в категорию «приемных родителей и родственников (*fosterer, foster brother/sister*)», более 2/3 составляют няни-кормилицы.

дедикантов и адресатов эпитафий связан не с тем, что друзья и дальние родственники не играли сколько-нибудь важной роли в жизни римлянина, а с особенностями римской системы ценностей, в соответствии с которой похороны близкого родственника считались одной из главных священных обязанностей человека – *officium pietatis* или *officium pium*¹¹⁶. Судя по имеющимся у нас свидетельствам, няни-кормилицы исполняли этот долг по отношению к своим бывшим подопечным, даже когда тех покидали остальные родные и близкие. Так, например, Нерона похоронили в его родовой усыпальнице две няни-кормилицы и наложница (Suet. Nero. 50), Домициана, память которого была предана проклятию, тайно похоронила его няня-кормилица (Suet. Dom. 17. 3)¹¹⁷. В посвященных няням бывшими питомцами (или их родителями) эпитафиях усопшие иногда именуются «*piissimae*», «*pietissimae*», «*sanctissimae*»¹¹⁸. Как отметила Х. Нильсен, эпитет *pius* и производные от него использовались в эпитафиях очень часто, но при этом почти исключительно между самыми близкими кровными родственниками, как правило, между родителями и детьми¹¹⁹. Таким образом, и в этом случае няни-кормилицы оказываются включенными в очень узкий круг, за пределами которого оставались даже супруги. Глубокая вовлеченность няни-кормилицы в жизнь семьи своего подопечного нередко заставляла ее забывать о собственных близких: почти полностью отсутствуют эпитафии, поставленные ею своим детям и мужу или сожителю. По мнению Р. Гюнтер, это объясняется не столько ее ограниченными финансовыми возможностями, сколько чрезвычайно сильной интеграцией в семью своего питомца¹²⁰. Наградой за преданность и привязанность для няни-рабыни был отпуск на волю. Судя по эпиграфическим данным, няни-кормилицы получали свободу значительно чаще, чем занятые в домашнем услужении рабы иных специальностей¹²¹.

На нянь-кормилиц не распространялись введенные законом Элия Сенция ограничения при отпуске рабов на волю несовершеннолетним господином. По свидетельству Ульиана (D. 40. 2. 11; 13), «если кто-нибудь моложе 20 лет отпускает (рабов) на волю, то при этом признаются основания такого рода: если (отпущенный на волю) является внебрачным сыном или дочерью, либо прижитым вне брака братом или сестрой (господина), либо если это – его молочный брат или воспитатель, или педагог, или няня-кормилица, либо сын или дочь кого-нибудь из них, либо если это его воспитанник или капсарий...»¹²². Основанием для сделанного из общего правила исключения признавалась «законная привязанность» (*iustus affectus* – D. 40. 2. 16 пр.), испытываемая господином к этим лицам. Здесь воспитатели, в число которых входит няня-кормилица, вместе с родственниками по крови и приемной родней составляют круг самых близких господину людей, тех, к кому он не может не испытывать при-

¹¹⁶ Вопросы, связанные с таким *officium pietatis*, трактуются в D. 11. 7: «О местах погребения и похоронных издержках и как разрешается хоронить умерших». См. также Dixon. Op. cit. P. 220; Nielsen. Op. cit. P. 195 f.

¹¹⁷ Его прах она смешала в гробнице Флавиев с прахом Юлии – дочери всеми любимого императора Тита, для того, чтобы останки ее питомца нельзя было найти и бросить в Тибр, как это полагалось по закону.

¹¹⁸ *Piissima* – CIL 6. 16329; *pietissima* – CIL 6. 15655; AE 1972. 434; *sanctissima* – CIL 14. 486; *sancta, pia, amantissima* – CIL 6. 7290.

¹¹⁹ Nielsen. Op. cit. P. 194 ff.

¹²⁰ Gunther R. *Frauenarbeit – Frauenbindung. Untersuchungen zu unfreien und freigelassenen Frauen in den stadtrömischen Inschriften*. München, 1987. S. 86.

¹²¹ Няни-кормилицы среди рабов, упоминаемых в собственно римских надписях и занятых в домашнем услужении, составляют 10%, а среди отпущенников – более 50% (Joshel S.R. *Work, Identity and Legal Status at Rome. A Study of the Occupational Inscriptions*. Norman – London, 1992. P. 98. Not. 15, 16).

¹²² Капсарий – мальчик-раб, который носил футляр (*capsa*) с табличками для письма и другими школьными принадлежностями детей своего господина. Вместе с педагогом он сопровождал хозяйского сына в школу и из школы и ел с ним за одним столом (Suet. Nero. 36. 2). Видимо, эту работу могли выполнять молочные братья молодого господина, которые со временем становились педагогами его детей (Bonner. Op. cit. P. 37).

вязанности и признательности¹²³. Но привязанность к близким родственникам (и особенно родным «по естественному праву»), соединенная с чувством долга, представляла собой *pietas*¹²⁴. Возможно, няни вместе с другими воспитателями приравнены законодателем к кровным родственникам, освобождение которых могло рассматриваться как *officium pietatis* и в силу этого допускалось в обход общего порядка¹²⁵. В пользу такого предположения свидетельствует другое исключение из общего правила, о котором идет речь в титуле Дигест, посвященном опекунам и попечителям, злоупотребляющим своим положением (D. 26. 10). Хотя женщинам запрещалось обращаться в суд вместо кого-либо другого (*pro alio postulare* – D. 50. 17. 2 gr.), они могли предъявить исковое требование в интересах близкого родственника, если его опекун не внушал доверия. Уточняя, кому это было дозволено, Ульпиан отмечает: «Допускаются даже женщины, но только те, которые приступают к этому, побуждаемые чувством долга и привязанности по отношению к родственнику, как, например, мать. Также это могут (сделать) няня-кормилица и бабушка. Может и сестра, ведь относительно сестры имеется рескрипт божественного Севера» (D. 26. 10. 1. 7)¹²⁶. Таким образом, право няни на вмешательство в пользу своего питомца, так же как и право матери и бабушки, имеет в качестве своего основания чувство родственного долга и привязанности (*pietas*) и в отличие от права сестры не подвергается сомнению. Особые отношения между няней-кормилицей и подопечным приравниваются законодателями к отношениям между самыми близкими родственниками и, так же как и от них, от няни ждут проявления *pietas*.

По всей видимости, нельзя не согласиться с исследователями, считающими, что няня-кормилица и действующий рука об руку с ней педагог составляли вместе со своим подопечным своеобразную суррогатную семью и в некоторых отношениях заменяли ему отца и мать¹²⁷.

Исходя из всего этого, можно предположить, что особая правовая защита была предоставлена няням-кормилицам, а также, вероятно, и педагогам, чтобы обеспечить дополнительные гарантии против нарушения отношений, связанных со священным для римлян понятием *pietas*, включавшим в себя привязанность и чувство долга по отношению к родным, отечеству и богам и считавшимся, по выражению Цицерона, «основой всех доблестей» (*Pro Plancio*. 29)¹²⁸.

В этом отношении определенное сходство с нянями-кормилицами и педагогами имели также и преподаватели, поскольку отношения между ними и их учениками отождествлялись римлянами с отношениями между отцами и детьми¹²⁹. По мнению Квинтилиана, учитель должен относиться к своим ученикам как отец и считать себя

¹²³ «Естественная привязанность», по мнению римлян, порождалась кровным или «молочным» родством, либо даже просто совместным проживанием и общением с самых малых лет. В этом отношении представляют интерес рекомендации Колумеллы по поводу разведения мулов. Чтобы подготовить осла для случки с кобылой, он советует выкармливать его с момента рождения кобыльим молоком, поскольку выкормленный таким образом осел-производитель приучается любить лошадей (*sic nutritus admissarius equas dilige condiscit*). Однако, как он считает, если даже осел просто вырастет среди лошадей, он также будет их любить (*De re rust.* 6. 37. 8). Ср. *Sen. De ira* 2. 21. 9; *Plut. Cat. Mai.* 20. 5.

¹²⁴ *Saller R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family / Cambridge Studies in Population, Economy and Society in Past Time.* 25. Camb., 1994. P. 107 ff.

¹²⁵ Как отметил Р. Сэллер, соображения, связанные с *pietas*, могли модифицировать обычные правовые нормы и правила, когда это касалось членов семьи (Op. cit. P. 111).

¹²⁶ *Quin immo et mulieres admittuntur, sed hae solae, quae pietate necessitudinis ductae ad hoc procedunt, ut puta mater. Nutrix quoque et avia possunt. Potest et soror, nam in sorore et rescriptum exstat divi Severi...*

¹²⁷ *Veyne*. Op. cit. P. 18; *Wiedermann T. Adults and Children in the Roman Empire.* L., 1989. P. 10 ff.; *Bradley*. *Discovering the Roman Family...* P. 55, 64. Ср. *Nielsen H.S. Quasi-Kin, Quasi-Adoption and the Roman Family // Adoption et fosterage / Ed. M. Corbier.* P., 1999. P. 258 f.

¹²⁸ *Pietas fundamentum est omnium virtutum.*

¹²⁹ В соответствии с традиционными взглядами, долгое время сохранявшими свое значение, отец сам был должен заниматься обучением детей, поэтому учитель уподоблялся отцу (*Marrou*. Op. cit. P. 344; *Harris*. Op. cit. P. 233; *Wiedermann*. Op. cit. P. 95 f., 143, 156 ff.; *Kaster*. Op. cit. P. 66 ff.; *Crihiore*. Op. cit. P. 15 f.).

замещающим им родителей (Inst. or. 3. 2. 5). Ему следует рассматривать преподавание не как обязанность, а как проявление любви (1. 2. 15)¹³⁰. Обращаясь к ученикам, Квинтилиан настоятельно советует им любить своих преподавателей как отцов, но не физических, а духовных, и добавляет, что эта любовь (*pietas*) очень помогает в учебе (2. 9. 1–2). Сохранились надгробия с эпитафиями, поставленными учителям их учениками, чтущими *officium pietatis*¹³¹. Среди казненных или сосланных Нероном людей, связанных с ним «каким-либо свойством или родством» (*aut affinitate aliqua... aut propinquitate coniunctos*), Светоний называет не только приемную сестру и пасынка тирана, но также и его молочного брата Туска, сына его кормилицы, и его преподавателя (*praeceptorem*) Сенеку, префекта Бурра¹³² и престарелых отпущенников – его покровителей и наставников (*fautores atque rectores*) как при усыновлении, так и при воцарении (Nero. 35. 4–5). Этот печальный мартиролог Светоний завершает перечислением преступлений, совершенных «против посторонних» (*in exteros*), т.е. против людей, не принадлежавших к семье или к родственникам тирана (Nero. 36. 1)¹³³. В число лиц, к которым хороший ребенок должен был испытывать любовь и привязанность, Плиний включает нянь-кормилиц, педагога и преподавателей (Pl. Ep. 5. 16. 3)¹³⁴.

Все это позволяет признать, что между няней-кормилицей, педагогами и преподавателями все-таки можно проводить аналогии, но не в отношении их профессиональной деятельности, а в отношении той роли, которую они играли в римской фамилии и в римской системе ценностей.

Видимо, перечень профессий, удостоенных в Ульпиановом фрагменте особой правовой защиты, сложился на основе двух, если можно так выразиться, разнонаправленных принципов: с одной стороны – защиты «общественной пользы» (в соответствии с ним туда были включены профессора, врачи и приравненные к ним «специалисты»), с другой – защиты *pietas* (поэтому туда включили кормилиц и приравненных к ним педагогов и преподавателей).

Возможно, наместники сначала по своей инициативе стали разбирать вне установленного порядка жалобы нянь-кормилиц и учителей начальной школы, чтобы взять под защиту отношения, основанные на *pietas*¹³⁵, а впоследствии эта практика, отвечающая ожиданиям подданных, была одобрена высшей властью¹³⁶ и стала частью института особой правовой защиты как привилегированных профессоров и врачей, так и рядовых учителей и кормилиц. Этот институт был связан с защитой как тех лиц, чья профессиональная деятельность считалась особенно полезной для общества, так и тех ценностей, без которых общество просто не могло бы существовать.

Таким образом, разбирая грошовой тяжбы нищих учителей и кормилиц, наместники тем самым проявляли заботу и попечение об основах и устоях римского социума.

¹³⁰ Nec officium in docendo spectet sed adfectum.

¹³¹ CIL 6. 9444; 6. 9449; 6. 9827; 6. 10008, 10009. 10011a; 8. 5528 и 8. 5529; IG 14. 2454; MAMA 7. 358; AE 1941. 141; *Raubitschek A.E.* Greek Inscriptions // *Hesperia*. 1966. 35. P. 248 f. Сохранились и надгробия учеников, поставленные их учителями (иногда вместе с близкими родственниками) – CIL 6. 10010; 6. 10011; 6. 10013; 6. 10014; 6. 10015; 6. 10016; 6. 10017; 6. 10018. На одном из этих надгробий учитель написал, что любил своего ученика больше, чем собственного сына (CIL 6. 10013). И учитель (CIL 6. 1001a) и ученик (CIL 6. 10016) именуется в эпитафиях *piissimi*.

¹³² По свидетельству античных авторов, префект претория Бурр исполнял обязанности педагога по отношению к юному Нерону. Иосиф Флавий прямо именует Бурра *παιδαγωγός* (Ant. Iud. 20.8.9). Тацит называет Бурра наряду с Сенекой *rectores imperatoriae iuventutis* (Ann. 13.2).

¹³³ *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953. S. v. Extraneus (*exter, exterus, extrarius*). P. 466.

¹³⁴ Ср. *Sen. Die ira* 2. 21. 9.

¹³⁵ Не исключено, что именно этим объясняется столь странное обоснование Ульпианом права учителей начальной школы и нянь-кормилиц предъявлять иски по поводу своей платы *extra ordinem*.

¹³⁶ Следует учесть, что, как уже отмечалось выше (прим. 125), соображения, связанные с *pietas*, могли модифицировать общие правила и нормы.

The so-called Ulpianus' fragment (D. 50. 1. 13. 1) indicates that governors had the habit of looking into the claims for payments submitted by professors of liberal arts, physicians, elementary school teachers, *comites* (i.e., apparently, professor's assistants and *paedagogi*) and wet-nurses in a way of extraordinary procedure. As Ulpianus' terminology shows, governors investigated such cases personally, without the aid of the appointed judges (*iudices pedanei*). The question is why the governors permanently overloaded with work, who even had to resort to accelerated procedure in cases of grave crimes, had constantly to look into paltry claims of such representatives of lower strata as elementary school teachers and wet-nurses. In G. Coppola's opinion, the "professionals" mentioned in Ulpianus' fragment belonged to a privileged group of hired workers. Originally they had to turn with their claims to regular courts, but from the 2nd c. on they enjoyed special legal support and extraordinary hearing of their cases. Under such conditions the plaintiff had good chances of winning the case even if the respondent was much richer and more influential.

The fact that such privileges were granted to professors and physicians was undoubtedly in accord with general imperial policy of granting privileges to people whose labour was considered of special usefulness for the society. But why were the same rights given to elementary school teachers, *paedagogi* and wet-nurses who had no other privileges and apparently were not included among the people whose services were of high social importance? The answer may lie in the special position they had in Roman family and Roman system of values. Wet-nurses and *paedagogi*, to a certain extent, played the role of parents in respect to the children they were in charge of, and together with them constituted a kind of surrogate family within the *familia* itself. According to Roman views the teacher was also seen as a substitute of his pupil's father. Both wet-nurses and *paedagogi* were connected with the children by the links of kindred love and duty (*pietas*) considered to be the basis of all virtues in Rome (Cic. Pro Plancio 29). Defending their interests in court could be seen as defending *pietas*. Looking into the claims of destitute teachers and wet-nurses personally, the governor demonstrated care and attention to the foundations of the Roman society.